Королевская отравительница

Автор:
Джефф Уилер

Королевская отравительница

Джефф Уилер

Кингфонтейн #1

Джефф Уилер – автор романов-фэнтези, бестселлеров Wall Street Journal и Amazon, переведенных на восемь языков, проданных тиражом три миллиона экземпляров. Он основатель знаменитого электронного журнала Deepmagic («истинное фэнтези и научная фантастика»).

«Королевская отравительница» – первая из трех книг серии «Кингфонтейн» (продано миллион экземпляров, серия – бестселлер Wall Street Journal).

Король Северн Аргентайн окружен зловещей славой: узурпировал трон, погубил прямых наследников, не щадит инакомыслящих. Герцог Кискаддон решил выступить против короля и проиграл. Теперь герцог Кискаддон вынужден отправить своего младшего сына Оуэна во дворец короля в качестве заложника. От лояльности отца будет зависеть жизнь сына.

Пытаясь найти друзей и ускользнуть от вездесущих шпионов Северна, Оуэн учится выживать при дворе. Но когда появляются новые доказательства вины его отца, которые грозят гибелью и Оуэну, у Оуэна не остается никакого другого выхода, кроме как завоевать благосклонность короля – любым, пусть даже самым нелепым способом. И только один-единственный человек может помочь Оуэну в его почти безнадежном деле: таинственная женщина, скрывающаяся во дворце и обладающая настоящей властью над жизнью, смертью и роком.

Джефф Уилер

Королевская отравительница

The Queen’s Poisoner (The Kingfountain series, Book One)

Jeff Wheeler Первая публикация: 47North, Seattle, 2016

Перевод с английского – Наталья Резанова

Серия «Кингфонтейн», книга первая

Text Copyright © 2016 Jeff Wheeler

© 2020, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

* * *

Линкольну

Персонажи

Династия Аргентайн

ЭРЕДУР АРГЕНТАЙН, предыдущий король Кередигиона. Умер при загадочных обстоятельствах

ДАНСДВОРТ АРГЕНТАЙН, средний брат Эредура, обвинен в государственной измене и казнен; оставил сына того же имени, который находится во дворце под опекой короля

СЕВЕРН АРГЕНТАЙН, король Кередигиона, младший из братьев. Узурпировал трон у сыновей Эредура, которые пропали без вести и предположительно убиты

ЭЛИЗА АРГЕНТАЙН, старшая дочь Эредура

Лорды Кередигиона

ЛОРД КИСКАДДОН, герцог Западной Марки

ЛОРД ХОРВАТ, герцог Северной Камбрии

ЛОРД АСИЛОМАР, герцог Восточного Стоу

ЛОРД ЛОВЕЛ, герцог Южного Порта

ЛОРД РЭТКЛИФФ, мастер-шпион, глава королевской Разведывательной службы

ЛОРД БЛЕТЧЛИ, поддержал захват трона Северном, мастер-шпион, казненный за измену

Итак, была битва, и битва выиграна. Имелись весьма дурные предчувствия относительно шансов короля на победу. Несмотря на его многолетний боевой опыт, наличие верных друзей и стоящих за ним ресурсов Кередигиона, многие

предполагали, что претендент победит. Конечно, не обошлось и без предательства. Предзнаменования были явлены на воде. Герцог Кискаддон запретил своим людям участвовать в битве на чьей-либо стороне несмотря на то, что его старший сын был заложником короля. Дурное решение для герцога. Его сын после победы короля был казнен через водопад. Какая еще месть обрушится на герцога-предателя, я могу только представить. И хихикаю про себя. Зрелище доставит мне безмерное удовольствие.

Славься, король-горбун!

Доминик Манчини,

шпион у Владычицы Потока

Глава первая

Герцог Кискаддон

Леди Элеанор сидела у окна своих покоев, нежно поглаживая голову сына, лежавшую у нее на коленях. Оуэн был ее младшим ребенком, едва выжившим после рождения. Он был хрупким восьмилетним мальчиком, хотя выглядел младше. Волосы у него были темно-каштановые, густые и неукротимые, несмотря на все усилия их причесать, и ей нравилось скользить по ним пальцами. Над его левым ухом виднелась небольшая прядь белых волос. Братья и сестры часто спрашивали, почему он родился с белой меткой в темных волосах.

Этот знак отличал его. Мать считала это напоминанием о чуде, которое произошло после его рождения.

Он пристально смотрел на нее своими темно-карими глазами, словно понимая, что она беспокоится и нуждается в утешении. Он был ласковым ребенком, всегда первым бросался в ее объятия. Будучи совсем мал, он ласково повторял:

«Маменька, папенька, маменька, папенька», сидя на коленях у родителей или обнимая их. Больше всего на свете любил прятаться в постели родителей после того, как они просыпались поутру, дабы украсть исчезающее тепло. Он оставил эту милую привычку в возрасте шести лет, но не перерос обнимашки и поцелуи, и ему всегда хотелось быть рядом с родителями, особенно с отцом, лордом Кискаддоном.

Мысли о муже заставили желудок леди сжаться от беспокойства. Элеанор выглянула в окно, из которого открывались великолепные сады Таттон-Холла. Но вид аккуратно подстриженных живых изгородей, уступчатых лужаек и пенящихся фонтанов не приносил ей утешения. За день до этого произошло сражение, и она все еще ждала известия о том, кто победил.

– Когда вернется папенька? – спросил тихий голос.

Сын смотрел на нее так серьезно.

Вернется ли?

Поле битвы страшило ее больше всего на свете. Ее муж уже не был молод. В свои сорок пять лет он был скорее государственным деятелем, чем генералом. Она взглянула на пустую стойку для доспехов у кровати с балдахином. Шторы были открыты, показывая аккуратно расправленные покрывала. Муж всегда настаивал на том, чтобы кровать заправлялась. Какие бы тревожные известия не поступали от королевского двора, ее муж отдыхал душой от простых повседневных ритуалов. Хотя порою он часами лежал без сна, размышляя о судьбе Кередигиона, наедине с ней, в этой кровати с балдахином, он все же обретал покой.

– Не знаю, – прошептала Элеанор. Ее голос звучал хрипло.

Она продолжала гладить густые волосы сына, пальцы задержались на белой пряди.

Ее муж был вызван в королевскую армию, чтобы противостоять с оружием в руках вторжению, а старший сын был заложником у короля, чтобы обеспечить верность отца. Перед битвой до нее дошли слухи, что королевская рать превосходила своих врагов из расчета три к одному. Но исход боя определит не

математика, его определит верность.

Северну Аргентайну было трудно служить. Его язык был подобен бичу, оставлявшему кровавый след каждый раз, когда он говорил. За два года, прошедшие после того, как он отобрал трон у детей своего старшего брата, воздух королевства пропитался интригами, изменами и казнями. Шептались, что дядя убил своих племянников во дворце Кингфонтейн. Возможность этого заставила Элеанор дрожать от ужаса. Она, мать девятерых детей, не могла вынести мысли о такой жестокости. Только пятеро из ее детей пережили ранние годы, потому что все они были слабого телосложения. Иные из сыновей и дочерей умерли в младенчестве, и каждая новая потеря разбивала ей сердце. А потом родился последний ребенок, маленький Оуэн. Ее чудо.

Ее дорогой, вдумчивый мальчик все еще смотрел ей в глаза, словно мог читать мысли. Ей нравилось ловить минуты, когда он играет в одиночестве, смотреть из-за полуоткрытой двери, как он, стоя на коленях, раскладывает плитки, прежде чем опрокинуть их. Она часто заставала его в библиотеке за чтением. Она уже не помнила, как научила его читать, он был тогда так мал. Казалось, он научился этому сам, как научился дышать, просто вдыхал буквы и слова и без труда разбирал их в уме. Но, хотя он был исключительно умным ребенком, он все еще оставался ребенком. Он любил бегать по саду со своими братьями и сестрами, любил присоединиться к погоне за белой лентой, привязанной к шесту, через лабиринт изгороди. Конечно, конечно, при этом он мог начать дышать с присвистом, но это его не останавливало.

Она никогда не забудет горя, испытанного ею, когда королевская повитуха объявила, что младенец родился мертвым. Он не издавал ни крика, ни плача, сопровождавших рождение остальных детей Элеанор. Он пришел в мир окровавленным и безмолвным – полностью сформированным, но бездыханным. Потеря последнего ребенка, ее последнего ребенка – она знала, что он последний, опустошила ее. Слезы ее мужа смешались с ее собственными, когда они оплакивали потерянное дитя.

Неужели ничего нельзя сделать? Найти слова утешения? Применить какое-то средство? Повитуха что-то тихо напевала и, коснувшись поцелуем нежного сморщенного личика, предложила им проститься с ребенком вместе – как муж и жена. Лорд Кискаддон и леди Элеанор обхватили младенца, кутая его в покрывала постели, и плакали, обнимая и целуя его. Тихонько говорили с ним. Рассказывали ему о своей семье и о том, сколько бы он получал любви и как он

им нужен.

И тогда произошло чудо.

Это вмешался Поток, леди была в этом уверена. Каким-то образом малыш услышал их мольбы. Мертвый ребенок моргнул. Элеанор была так поражена, что подумала, будто ей мерещилось, но муж видел то же самое.

Глаза открылись.

– Что это значит? – спросили они повитуху.

– Возможно, он очнулся на миг, чтоб попрощаться, – тихо сказала она.

Но мгновения обернулись часами. Часы стали днями. Дни стали неделями.

Элеанор погладила густые волосы мальчика. Он улыбнулся ей, как будто он тоже это припомнил. Подарил беглую лукавую улыбку, осторожно прижимаясь к ее коленям. Ресницы его дрогнули.

– Маменька! Маменька! – Джессика, ее четырнадцатилетняя дочь, вбежала так поспешно, что светлые кудряшки подскакивали. – Это папенька! Он едет сюда вместе с гостем!

Сердце Элеанор сжалось от удивления и наполнилось надеждой.

– Ты его видела?

– С балкона! – Взгляд Джессики был полон возбуждения. – Его лысина блестела. С ним лорд Хорват. Я тоже его узнала.

Бессмыслица какая-то.

Лорд Хорват управлял северными границами королевства. Ее муж правил на западе. Они были пэрами королевства, равными. Зачем Стив Хорват сопровождает его в Таттон-Холл? Укол беспокойства поразил ее сердце.

– Оуэн, ступай с сестрой, чтобы поприветствовать отца, – сказала Элеанор.

Мальчик вцепился в ткань ее платья, его взгляд внезапно насторожился. Он медлил.

– Ступай, Оуэн! – настойчиво повторила она, поднимаясь с сиденья у окна. Она уже выходила, когда Джессика схватила мальчика за руку и потянула за собой к дверям.

При вести о возвращении герцога усадьба переполнилась волнением. Слуги любили его, даже нижайшие из низших чтили добросердечного хозяина.

Элеанор ходила взад-вперед, ей казалось, что ее кожу колют иглами, сердце выскакивало из груди. Она была ближайшей советчицей мужа. До сих пор ее советы благополучно проводили его сквозь водовороты интриг, уже столкнувшие благородные дома королевства в нескольких жестоких войнах. Что-то изменилось?

Она услышала стук сапог, поднимающихся по лестнице. Элеанор сжала руки и прикусила губу, с ужасом ожидая новостей. Он жив! Но что со старшим? Что с Йорганоном? Он отправился на войну вместе с отцом и королем. Почему Джессика не упомянула его?

Муж вошел в комнату, и с первого взгляда она поняла, что ее сын мертв. Лорд Кискаддон был уже не молод, но его лицо обычно сохраняло мальчишеское выражение, заставлявшее забыть о лысой макушке и окружавшей ее седине. Он был крепким человеком, который мог без усилия проводить часы в седле. Но сейчас его челюсти были сжаты, лицо небрито, и печаль в глазах отняла его моложавость. Ее муж скорбел. И не только из-за смерти старшего сына. Она сразу поняла, что у него есть вести, которые были даже хуже.

– Ты дома, – выдохнула Элеанор, бросаясь в его крепкие объятия. Но его хватка была такой же слабой, как у котенка.

Он поцеловал ее в макушку, и она почувствовала, как он дрожит.

– Йорганон мертв, – сказала она, надеясь, что это неправда, но зная, что это так.

– Да, – хрипло ответил он, прижимаясь губами к ее волосам.

Потом отстранился от нее и уставился в пол.

– Что случилось? – взмолилась Элеанор, хватая его за руку. – Скажи мне самое худшее! Я не могу видеть, как ты страдаешь, супруг!

У него были слезы на глазах – а он редко столь откровенно проявлял чувства.

– Король… победил. Сражение назвали битвой при Амбионском холме. Сражение висело на волоске, Элеанор. На волоске. Еще мгновение, и дыхание ветра могло изменить все. Слабенький ручей мог все перевернуть. Я хотел бы… если бы ты была там, чтобы дать мне совет… но тебя не было! – Лицо его исказилось, и он умоляюще уставился на нее: – Прости меня!

Элеанор чувствовала, что ее ноги дрожат.

– За что? – Она задохнулась.

Он стиснул зубы так плотно, что губы побелели.

– Хорват командовал королевским авангардом. Его людей жестоко теснили. Казалось, что он может потерпеть поражение. Король приказал моей армии поддержать армию Хорвата. – Он покачал головой, как будто вернулся в тот решающий момент, когда все можно было потерять или победить: – Я отказался.

– Что? – выдохнула она.

– Король – последний из династии. Его единственный сын умер год назад. Затем умерла его жена – как говорят, отравлена. Казалось, что король осужден Потоком и обречен на поражение при Амбионе. Мы оба верили этому, иначе никогда бы не…

– Тссс! – украдкой предупредила Элеанор, взглянув на дверь.

– Мы подозревали, что новый король будет милостив к нам, если мы не будем вмешиваться. В тот опасный миг я верил, что армия короля погибнет. Северн

пригрозил убить Йорганона на месте.

Герцог ударил себя по лбу, его слова заглушили рыдания.

– Что я наделал?!

Элеанор бросилась к мужу и крепко обняла его. Он был мудрым и умелым человеком, но такие качества не помогали ему ориентироваться в политике двуличного двора короля Северна. Вот почему он так часто искал ее совета. Она тоже надеялась, что правление Северна будет коротким. Да, она посоветовала своему мужу поддержать короля. Но не поддерживать его слишком старательно. Медлить, делать вид, что не понимает приказов. Она прикусила кончик пальца и тихо произнесла:

– Но армия короля все-таки одержала победу. А теперь он считает тебя предателем.

– С того места, где я находился, казалось, что Хорват будет уничтожен. Его люди лишь вяло отбивались. Никто не рвался защищать Кередигион от захватчиков. Но затем король призвал своих рыцарей и сам вступил в бой. Все изменилось, когда они пошли в атаку. Я это видел, Элеанор. Их было всего лишь двадцать… может быть, тридцать рыцарей, но они неслись как потоп. Как будто Поток управлял ими. Они крушили копья и мечи. Сам король спешил своего противника, а затем спрыгнул с раненого коня и убил того мечом. Захватчики роились вокруг него, но он сражался так, словно у него была сила дюжины человек. Они разбежались, и при виде его триумфа люди Хорвата словно стали демонами! – Его глаза расширились от шока и изумления. – Северн сам одержал победу. Даже с его хромой ногой и горбом никто не мог его остановить. Я едва успел, чтобы присоединиться к битве, и помог захватить пленных. Корона короля упала с его головы во время боя, и я нашел ее в кусте боярышника. Я сказал ему… Я сказал ему, что был верен. – Его лицо побелело.

Элеанор почувствовала, что ее колени бессильно подгибаются. Она вцепилась в мужа, как будто они одни на острове и волны моря обрушиваются на них, пытаясь втянуть в прибой. В ушах звенели его слова.

– Король приказал казнить Йорганона. Он насмехался надо мной, сказав, что, возможно, у меня в запасе есть еще сыновья. И поэтому он послал Хорвата со

мной, чтобы передать послание: «Так говорит король Северн Аргентайн леди Элеанор Кискаддон: выбери другого сына в заложники, чтобы жил он во дворце Кингфонтейн под опекой Его Величества. Докажите свою верность и послушание. Выберите сына, который будет поручителем вашего дома».

Леди Элеанор упала бы в обморок, но ей каким-то образом удалось удержаться на ногах. Она посмотрела на мужа.

– Я должна доверить этому человеку одного из своих детей? – Ее сердце сильно билось в груди, и она дрожала от тяжести горя. – Этому… этому… мяснику?

– Стив Хорват прибыл, чтобы отвезти ребенка в Кингфонтейн, – сказал герцог, его взгляд был полон страдания. – Если мы не сделаем выбор, он немедля казнит всю нашу семью за измену.

Леди Элеанор рыдала на груди мужа. Это был выбор, который ни одна мать не в силах сделать. Должна ли она пожертвовать одним ребенком, чтобы выжили остальные? Но король Северн был безжалостен и хитер. А если выживет только тот ребенок, которого она выберет?

Она горько плакала и не могла думать. Кого она обречет на эту участь? Почему ей предоставили выбор – разве не для того, чтоб усилить ее страдания? Она ненавидела короля. Все в ней бушевало от ненависти. Как она может тут выбирать? Как она передаст одного из своих мальчиков человеку, который убил сыновей собственного брата? Руки короля настолько замараны кровью, что она, вероятно, капает везде, где он ступает.

В своем горе она не слышала, как открылась дверь и раздались тихие шаги. Она не замечала ничего, пока руки Оуэна не обвились вокруг ног родителей.

Он обнял их обоих так сильно, что, хотя она и не слышала слов, понимала, что он по-детски пытается утешить их.

Тише, тише, маменька, папенька! Тише, тише, все будет хорошо, маменька, папенька. Тише, тише!

Она смотрела на своего сына, своего невинного сына. А потом всколыхнулось воспоминание.

Воспоминание о королевской повитухе, которая спасла ему жизнь.

Ее грудь сжалась от вдруг вспыхнувшей мысли. Возможно, она могла бы послать секретное сообщение в святилище Владычицы, мольбу о спасении мальчика, который был спасен прежде. Она сумела бы переносить разлуку, отчаяние, пока могла цепляться за нить надежды.

Она знала: эта нить – все, на что она могла рассчитывать.

Кередигионцы – исключительно суеверные люди, и это делает их величайшими глупцами из всех, кто рожден женщинами. Они сохраняют древнюю веру в силу воды, исходящую из легенд, которые уже никто не помнит. Все это чушь и чепуха. Они строят огромные святилища на берегах рек. Святилище Владычицы на самом деле построено посреди реки, под завесой живописного водопада. Эти святилища гарантируют защиту от законов. Многие преступники обитают в этих убежищах, окруженных зеркальными прудами, журчащими фонтанами и прелестными садами, – воруют днем и спят по ночам под защитой святилищ. Их называют людьми Потока. А все из-за древнего суеверия, что привилегия святилищ должна сохраняться, пока реки текут и воды падают. Именно среди этих мерзавцев у Владычицы я коротаю дни, наблюдая за врагами короля. Иногда я ненавижу свою работу. С ними так скучно!

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава вторая

Герцог Северной Камбрии

Оуэн любил играть и мог часами развлекаться один – раскладывая плитки в ряд перед тем, как их сбить, двигая солдатиков, марширующих на войну, или читая. В кругу семьи он был общителен, и, когда дело дошло до того, чтобы драться на деревянных мечах, он нередко заставлял плакать других, даже своих сестер. Но если он оказывался в одной комнате с незнакомцем, он прятался за креслом и следил за чужаком настороженным взглядом, пока тот – или та – не уходил.

Именно так он смотрел на лорда Хорвата. Теперь, когда герцог покинул Таттон-Холл, Оуэн ехал, сидя позади него в седле, испуганный и настолько потрясенный, что не смог бы ни с кем говорить, даже если бы попытался. Когда они уезжали из дома, слезы матери блестели на щеках, и он гадал, сможет ли когда-нибудь говорить снова.

Таттон-Холл был его миром, и он знал все его уголки – от подвала до чердака. Были части поместья, которых он побаивался, – в винном погребе было темно, и там странно пахло, но были и тайные места, которые знал только он, убежища, где он мог спрятаться. И никто бы его не нашел. Сады были обширны, и он проводил там бесчисленные дни, наслаждаясь простыми удовольствиями – бегать по траве или валяться на груде листвы, наблюдая, как ползают по земле муравьи и божьи коровки. Ему нравилось, как божьи коровки втягивают лапки, становясь похожими на мелкие камешки, которые он мог катать на ладони. А потом, когда он замирал, они снова выпускали лапки, и он позволял им ползать по своей руке.

Оуэн любил природу и прогулки, но дома ему нравилось еще больше. Книги его очаровывали, и ощущение от вида букв очень напоминало щекотку от божьих коровок, ползающих по руке. Когда он читал, то словно переносился в некую волшебную страну, откуда его нельзя было дозваться ни шепотом, ни криком. Он читал все, что мог заполучить в свои маленькие руки, и все запоминал. Его книжный голод никогда не утолялся, а любимыми были рассказы о подвигах тех, кто благословлен Потоком.

Таттон-Холл исчез вместе со стуком копыт. Прежней жизни пришел конец. Хорват твердо сидел в седле, ни о чем не говоря с мальчиком, пока они ехали вместе, разве что порой спрашивал, голоден ли он, или не хочет ли пить, или не нужно ли ему сходить по нужде, когда они останавливались, чтобы дать отдохнуть лошадям.

Герцог не был высоким, и он был старше отца Оуэна. Из-под черного бархатного берета виднелись густые седые волосы, коротко остриженные, и такая же седая бородка клинышком. На его лице было строгое угрюмое выражение, сообщавшее Оуэну, что ему вовсе не нравится сопровождать восьмилетнего мальчика через все королевство и хочется, чтобы это задание было выполнено настолько быстро и безболезненно, насколько это возможно. Герцог был почти так же молчалив, как Оуэн, в то время как рыцари его свиты перешучивались между собой и за ними было куда как интереснее наблюдать.

У всех дворян королевства были гербы и девизы. Оуэн особенно гордился своим родовым гербом, который знал всю жизнь. Герб Дома Кискаддона назывался Аурум: на ярко-синем фоне три золотых оленьих головы с острыми рогами, похожими на шипы. Герб Хорвата – на красном фоне золотой лев со стрелой в раскрытой пасти. Оуэну это не понравилось, потому что ему все время казалось, что льву больно. У герцога был герб на камзоле, и его знаменосец, который ехал сразу за ними, нес штандарт с тем же изображением, объявляя всем, кто они такие и что следует держаться подальше. Поскольку рыцари были вооружены и луками, и мечами, Оуэн держал рот на замке более чем по одной причине.

Мальчик потерял счет времени, пока они ехали. Прошло несколько дней. Каждое утро на рассвете герцог расталкивает его и хмуро ведет к коню. Оуэн молчит. Герцог молчит. И так до самого Кингфонтейна.

Когда Оуэну было три года, он приезжал в стольный город Кередигиона вместе со всей семьей. Прошло столько времени, что у него сохранились только смутные воспоминания. Но когда они приблизились к городу, эти обрывки воспоминаний начали сливаться воедино, и все вокруг стало казаться отчасти знакомым.

Что поражало в Кингфонтейне, так это то, что он был построен у широкой реки как раз в том месте, где суша резко уступила место яростному водопаду. Не важно, высок или низок был уровень воды в реке, водопад никогда не пересыхал. Посреди реки стоял большой остров, где было построено святилище Владычицы Потока. Огромные валуны и скалистые камни выступали из водопада, на некоторых виднелись деревца, умудрявшиеся цепляться за камни, как ни старалась их смыть пенящаяся вода.

Оуэн знал, что святилище получило имя из древних легенд, но ни одна книга не была способна объяснить это так подробно, как ему хотелось. Манускрипты,

которые он пытался прочитать, чтобы узнать больше, были полны рыцарей, сражений и раздробленных королевств, которых больше не существовало, были слишком затянутыми и слишком скучными, чтобы удерживать его интерес.

У святилища были две прочные башни и ряд арок, которые возвышались над задней стеной здания. С арок всегда стекали водяные потоки, превращая святилище в точную копию самого водопада. На одном берегу реки лежал город с островерхими крышами и дымящими трубами. Городской шум – блеянье коз, мычание волов, скрип колес телег и повозок – был едва различим сквозь постоянный рев водопада. На другом берегу реки, на возвышенности, стоял дворец, рядом с которым Таттон-Холл казался бы игрушкой.

Каменный мост соединял дворец с островом, а несколько деревянных мостов соединяли остров с главным берегом и остальной частью города. Это было захватывающее зрелище, и Оуэн приподнялся в седле, чтобы лучше разглядеть. Грохот водопада можно было услышать за много миль, постоянный шум воды, который звучал как непрерывный шторм.

Дворец был построен на зеленом холме, окружен рощами, имел много ярусов и террас, с зубчатыми стенами. Над башнями, которых было не меньше дюжины, реяли королевские знамена. Оуэн мог видеть сады и деревья, возвышающиеся над древними каменными стенами, и его неопытному глазу казалось, что замок простоял тысячи лет. Тем не менее фасад был очищен от плюща и лозы, за ним явно ухаживали.

Итак, это его новый дом. Король призвал Оуэна жить во дворце под своей опекой. Старший брат Оуэна Йорганон тоже некоторое время жил в Кингфонтейне. И теперь он мертв. Поэтому маменька и папенька так сильно плакали, когда Оуэн уезжал? Дворец не ощущался домом. Он казался монументом, пережитком веков, опасным местом.

Когда они въехали в город, трубы у ворот оповестили об этом, и Оуэн обнаружил, что на него глядят сотни незнакомцев. Некоторые смотрели на него с жалостью, это заставляло испытывать еще большую неловкость, и он прятал лицо в плаще герцога, чтобы скрыться.

Их проезд сопровождал стук копыт по булыжникам и вездесущий шум от водопада. В конце концов Оуэн снова выглянул и уставился на лавки и толпы

людей.

Он вглядывался изо всех сил, неспособный осознать всю громадность этого места, совершенно ошеломленный из-за шума и растерянности. Он пытался подавить свои чувства, но обнаружил, что плачет. Его сердце разрывалось от грусти, что никого из родных не было рядом, чтобы утешить его. Почему его выбрали, чтобы отправить в Кингфонтейн? Почему не кого-то другого?

Хорват услышал его всхлипы и повернулся в седле, взглянув сверху вниз.

– В чем дело, мальчик? – резко спросил он, его борода вздернулась.

Оуэн посмотрел ему в глаза, боясь что-либо сказать, а уж тем более раскрыть свои истинные чувства. Он пытался сдержать слезы, но от того они лились еще сильнее. Он ощущал, как они катятся по его щекам. Оуэн был несчастен и одинок, и, хотя события последних нескольких дней казались кошмаром, он начинал понимать, что этот кошмар – его новая жизнь.

Герцог помахал одному из своих рыцарей:

– Принеси парню маффин. Вон оттуда.

– Да, милорд, – сказал рыцарь и поехал вперед.

Оуэн не хотел маффин. Он хотел вернуться в Таттон-Холл. Но ничто не заставило бы его признаться в этом. Он сильно дрожал, цепляясь за герцогский плащ, чувствуя тошноту, доходящую до костей, от одного взгляда на пронзенного стрелой льва на гербе. Конь продолжал идти шагом, пока рыцарь не вернулся и не протянул Оуэну румяный маффин с крошечными темными семечками.

Оуэн не хотел есть, он принял маффин без слов благодарности и крепко сжал. Сдоба была мягкой и крупнее его ладошки, а исходящий от нее сладкий запах напомнил кухню дома. Вскоре рыдания утихли, и Оуэн вытер мокрый нос рукавом. Маффин продолжал искушать, мальчик наконец сдался и откусил кусочек. На вкус это было как пирог, и семечки немного хрустели на зубах. Оуэн никогда раньше такого не пробовал, но это было восхитительно, и он проглотил все.

Они добрались до одного из мостов, ведущих к святилищу, и Оуэн оживился, ведь им предстояло пересечь такую могучую реку. Что, если мост размоет, пока они будут переходить, и все погибнут в водопаде? Он улыбнулся этой мысли, представляя, как это было бы забавно. Волны реки били по деревянному мосту, вызывая головокружение, усиленное тяжестью маффина в желудке Оуэна. Он крепче сжал плащ герцога, вслушиваясь в стук копыт.

Хотя они достигли острова, на котором располагалось святилище, не было никакой необходимости входить в святые земли. Во дворе святилища толпились люди, и некоторые прижались к воротам, чтобы посмотреть на свиту герцога. Все они были неопрятного, нищенского вида, и глазели на Оуэна с явным любопытством. Он глянул на них, прежде чем снова скрыть лицо в складках плаща герцога.

Они быстро пересекли маленький остров и направились прямо к каменному мосту, что вел к замку. Башни были такими высокими и островерхими, подумал Оуэн, что могли бы порвать облака, как пузыри, если бы облака спустились пониже. Среди реющих флагов были изображения как королевских львов Кередигиона, так и личный штандарт короля – герб, который он так и носил после вступления на престол. Белый вепрь. Оуэн всегда считал свиней дружелюбными существами и любил их, но фигура вепря с мощными клыками на черном поле внушала страх.

– Почти прибыли, парень, – бросил герцог.

Конь миновал мост, а потом пологий склон холма. Коричневые стены замка выглядели скорее дружелюбно, чем зловеще, но это впечатление разрушило то же изображение белого вепря. Вдалеке виднелась башня. Более стройная, чем другие. Она напоминала кинжал. Оуэн вздрогнул.

Они миновали подъемный мост, ворота и вошли во дворец. Это был королевский двор, но он находился не в самом сердце королевства, это Оуэн почерпнул из карт и книг, которыми владел его отец. Скорее они были ближе к востоку, и река впадала в океан в нескольких лигах отсюда. Корабли могли подниматься вверх по реке до порта, и затем груз перекладывался на мулов и доставлялся по дорогам в город. Замок был защищен рекой, защищен холмом, защищен самим Потоком.

Конюхи забрали лошадей, и Оуэн обнаружил, что идет по огромному каменному коридору. Мерцание факелов рассеивало мрак. Окон было немного, и было прохладно и сумрачно, несмотря на летнее тепло снаружи. Оуэн смотрел на знамена, гобелены, вдыхал запах горящего масла, кожи и стали. Он шел рядом с герцогом, его живот скрутило от страха. Он проходил по этому коридору в раннем детстве. Странно, что он это запомнил. Он знал, что они приближаются к большому залу.

К ним подошел высокий мужчина, намного моложе герцога, с рыжеватыми волосами под черным шапероном. Он был одет в черный камзол с серебряными разрезами на рукавах, сверкающими драгоценными камнями. У него была походка вечно спешащего человека, очень короткая козлиная бородка, и хотя он был выше, чем герцог, но казался меньше.

– О, Стив! Я понял, что ты приехал, когда услышал трубы. Таким образом, таким образом, король сейчас спустится! Мы должны поспешать.

– Рэтклифф! – поприветствовал его герцог, слегка кивнув.

Герцог шел, как шел, но торопливость встреченного ими человека вызвала у Оуэна желание пойти побыстрее.

Этот тип, Рэтклифф, беспокойно потирал руки.

– Хвала Потоку, мы все пережили битву, – сказал он себе под нос. – Я должен был сомневаться, но был уверен. Это щенок Кискаддона, а? – Он презрительно посмотрел на Оуэна и хмыкнул. – Выбрали самого младшего. Как будто это поможет. Король в ярости, можно себе представить. Его нога до сих пор болит от боевой раны. Врачи говорят, что это излечимо, но вы знаете, он не может стоять на месте! Хотелось бы, чтобы мы убедили его перестать ходить туда-сюда, чтобы он оправился. Какие новости из Западной Марки?

Выражение лица Хорвата не изменилось.

– Я доложу королю, – коротко ответил он.

Рэтклифф нахмурился, его ноздри раздулись.

– Как хочешь. Храни свои секреты. Король предоставил мне разрешение набирать еще больше шпионов. Если жена пекаря пожалуется на короля за завтраком, я буду знать об этом еще до вечера. Ага. Пришли. – Он величественно повел рукой, когда они вошли в большой зал.

Взглянув в открывшееся перед ним огромное пространство, Оуэн едва не споткнулся о ковер и с трудом удержался на ногах. Он смотрел на огромные знамена, свисающие с балок, огромный потолок, поддерживаемый решеткой из бруса, и сумрачные окна высоко в стенах. Через них проникало немного света, но его было недостаточно, чтобы обеспечить тепло или уют. Несколько слуг сновали по комнате, неся посуду и фляги с вином, и в очаге пылало пламя. Четыре фонтана оживляли каждый угол тронного помоста, но сам трон был пуст.

– Где король? – спросил Хорват.

– Придет, придет. Мы ждем ради его удовольствия, а не нашего.

Рэтклифф выглядел почти легкомысленно возбужденным, как будто он собирался поесть вкусного. Оуэн посмотрел на него с беспокойством, наполовину скрывшись за герцогом Хорватом.

Потом послышался звук. Топот сапог, но шаг был неровный, почти запинающийся. Оуэн подкрался, прячась за герцогом, чтобы увидеть, как один из слуг открыл дверь. Трубач поднес рог к губам и выдул несколько пронзительных тонов, объявив, что входит король Северн Аргентайн, победитель битвы при Амбионском холме.

Страшный владыка Кередигиона.

Все в зале с почтением встали.

Старший брат короля Эредур – до самой смерти – был приятным, дружелюбным человеком. Сильным и смелым и, сказать по правде, большим любителем женской красоты. Он был старшим из четырех братьев, двое из которых сейчас мертвы. Король Северн – самый младший, последний наследник великого дома, который правил веками. Родился он искореженным, как дубовый корень. Он

равен своему брату по силе и смелости, но у него нет ни капли его мягкосердечия.

Говорят, язык короля острее его кинжала. Порезавшись однажды, я с этим согласен.

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава третья

Король Северн

Тень прошла под неверным пламенем факела, когда король проковылял в зал. Именно тень на полу Оуэн увидел сначала, и его глаза расширились от растущего ужаса. Вот он, человек, который вызвал его в Кингфонтейн. Король, которого все боялись.

Король Северн шагнул вперед неверной походкой, его лицо исказилось от гнева, или боли, или того и другого. Что с самого начала поразило Оуэна, так это чернота его одежды. Его высокие черные сапоги были обшиты множеством пряжек, а двойная строчка из золотой ленты вдоль швов изображала цветы остролиста. Его черный кожаный камзол, украшенный бархатом и шелком, едва скрывал черную же кольчугу, которая слегка позвякивала, когда он хромал. Длинная золотая цепь обозначала его статус. Поверх рукавов были прочные черные кожаные наручи, а руки стиснуты в сильные жилистые кулаки, один из которых сжимал рукоять кинжала, прикрепленного к поясу. Черный плащ из тонкой ткани трепетал при ходьбе, не скрывая искривленные позвоночник и плечи. Они делали его походку неровной, но он шел слишком быстро, чтобы увечье могло ему помешать.

Он отмахнулся, нахмурившись, как будто фанфары раздражали его слух, а затем поднялся на помост, вызывающе хромая, и рухнул на трон.

При решительной позе короля легко было не заметить, что одно плечо у него выше другого. Его поза почти скрывала это, особенно когда он опирался локтем на подлокотник и придерживал подбородок указательным и большим пальцами. У него были длинные черные волосы, без единого проблеска седины, заправленные под черный берет с жемчужиной, свисавшей с королевского герба. По какой-то причине Оуэн ожидал, что король будет седовласым и бородатым. Северн не был ни тем ни другим. Лицо короля было бы красивым, если бы не гнев, который, казалось, искажал все его черты. Он вздохнул и бросил взгляд на собравшихся.

– Ваше величество, – сказал Рэтклифф, расшаркиваясь в поклоне.

Лорд Хорват склонил голову, лишь чуть поклонившись.

– Вон! – рыкнул король, пренебрежительно махнув слугам, которые сунулись к нему с серебряными подносами. Слуги порскнули прочь и покинули зал.

Король посмотрел на герцога, а затем, казалось, заметил Оуэна, прячущегося за ним. Когда взгляд темных глаз упал на Оуэна, у мальчика скрутило живот. Он не сможет говорить. Он слишком напуган.

– Она послала младшего, – пренебрежительно сказал король. Его губы презрительно скривились. Он фыркнул. – Я удивлен. Ну, они сделали свой ход. Теперь мой черед. – Он подвинулся на сиденье, морщась от боли, которую причинило ему это движение. Левой рукой он до половины вытащил кинжал из ножен, а затем толкнул его обратно. Этот жест поразил Оуэна, тем более когда он повторился.

– Даже Хорват удивился, увидев вас на ногах, сир, – учтиво сказал Рэтклифф. – Раны еще причиняют вам боль, мы все это видим.

– Я взошел на трон не для того, чтобы хныкать, – прервал его король. – Если бы я потерял ногу при Амбионском холме, то приполз бы в Кингфонтейн, цепляясь руками. Мне не нужны няньки. Мне нужны верные люди. Все мои враги пали. За единственным исключением. – Он одарил Оуэна пронзительным, гневным взглядом. Тот быстро моргнул, впав в панику. – Как тебя зовут, мальчик?

Губы Оуэна не слушались. Оуэн знал, что они не шевельнутся. Он стоял, трепеща, прямо перед королем. Язык пересох так, что казалось, во рту у него песок.

Король раздраженно нахмурился, ожидая ответа, который нельзя было вырвать у мальчика даже пыткой. Голова Оуэна кружилась от ужаса, мышцы застыли от страха, оледенели, сделав ноги столь же беспомощными, как губы.

– Парня зовут Оуэн, – произнес Хорват своим грубым голосом. – И я не слышал от него ни слова с тех пор, как мы покинули Таттон-Холл.

– Немой? – Король Северн мрачно усмехнулся. – Отличное приобретение для двора. Здесь слишком уж шумно. – Он снова переместился на троне. – Как они восприняли новости в Таттон-Холле, Стив?

– Очень болезненно, как вы можете себе представить, – медленно выговорил Хорват.

Король усмехнулся.

– Могу. – Он снова перевел взгляд на Оуэна: – Твой старший брат был казнен в водопаде, потому что твой отец не был мне верен. Он не погиб в бою с честью, как сын этого благородного герцога.

Родители рассказали Оуэну о судьбе брата, и мальчик вздрогнул, представляя, как Йорганон срывается с водопада, привязанный к лодчонке. Это была принятая в королевстве форма казни, хотя мальчик никогда ее не видел. Было ужасно думать, что такое может случиться и с другими родными.

– Его зять, – вставил Рэтклифф.

Король одарил Рэтклиффа презрительным взглядом.

– Как ты думаешь, Дикон, эта разница меня волнует? Муж его дочери погиб при Амбионском холме, и тем не менее он выполнил свой долг, охраняя это отродье, вместо того чтобы вернуться домой, утешить дочь и внучку. Его долг… – хрипло прошептал он, подняв вверх острый палец, как шип. – Долг полностью управляет

им. Вот почему я ему доверяю, Рэтклифф. Вот почему я доверяю вам обоим. Вы помните тот стишок, который подкинули герцогу накануне битвы? «Стив Хорват, ты дерзок, но все равно хозяин твой Северн продан давно»[1 - Парафраз эпиграммы, которую Шекспир приводит в «Ричарде III» – «Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно, хозяин твой Дикон продан давно» (перевод Анны Радловой). – Прим. пер.]. Записку оставил в его палатке один из наших врагов, возможно, отец этого парня, чтобы смутить разум Стива сомнениями и страхом. Ты помнишь, что сделал Стив, Дикон?

Рэтклифф скрестил руки на широкой груди, во взгляде – раздражение.

– Любой мог оставить эту записку, мой сюзерен. Я до сих пор провожу расследование…

– Это имеет значение, Дикон? – вскипел король. – Это мог быть один из твоих шпионов, вполне допускаю. Это мог быть тот, кто отравил королеву. Хорват сразу отдал мне записку. Холодный, как лед с северного ледника, откуда он родом. Где его род правит веками. Долг. Верность. Это драгоценные камни, которые стоят дороже золота. – Он наклонился вперед и опустил ладони на свой кинжал, снова повторив этот жест – вытащил его наполовину, прежде чем убрать обратно в ножны. Каждый раз, когда он это делал, Оуэн вздрагивал.

– Я тоже был при Амбионском холме, – сказал Рэтклифф, в голосе слышалась мольба. – Это мой шпион обнаружил предателя во время битвы.

Губы короля искривились в улыбке.

– Я не забуду этой доброй услуги, друг мой. Ты верен, поэтому я доверил тебе шпионскую службу, но я не забыл, что некоторые из этих людей пытались убить меня. – Он усмехнулся. – Хорват всегда был верен.

Лицо Рэтклиффа покраснело от гнева.

– Нечестно, мой господин, швырять это мне в лицо. Тогда не я возглавлял эту службу. Это сделал лорд-камергер, и вы отправили его в водопад за преступление.

– Я сделал это в гневе, – ответил король, откинувшись назад. Покачал головой. – Я должен был предать его суду. – Он разгладил камзол на груди, наруч поблескивал в свете факелов. – О, это были мрачные дни. Предательство на каждом углу. Мой брат Эредур не позволял посуде соскользнуть со стола. Но когда он умер, вся она рухнула. – Его лицо немного смягчилось, как будто память о брате до сих пор его ранила. Затем выражение лица ожесточилось, и он снова посмотрел на Оуэна.

– Ты мой заложник, – сказал он жестоким тоном. – Ты – залог верности своей семьи. Твой старший брат был заложником перед тобой, и он мертв. Если твоя мать думает, что я пощажу ребенка за их предательство… – Он умолк, а потом едва не зарычал от гнева: – Тогда они действительно не понимают решимости и строгости своего короля. Ты под моим надзором, Оуэн Кискаддон, и будешь делать то, что мне угодно. Ты останешься во дворце. – Он жестом обвел зал. – Теперь это твой дом. Бросай монеты в фонтан, мальчик, чтобы твои родители сохраняли мне верность. – Его лицо исказилось от с трудом подавляемого гнева. – Я чуть не казнил и твоего отца в Амбионе. Но я учусь терпению. – Он усмехнулся, его губы изогнулись в бешеной ухмылке. – Будь уверен, я испытаю твоего отца, парень. Надеюсь, он дорожит твоей жизнью больше, чем жизнью твоего брата. Рэтклифф, мальчик под твоим попечением. Найди ему комнату и гувернантку. Я хочу видеть его каждый день за завтраком с другими детьми.

Оуэн вздрогнул. Он был слишком напуган, чтобы понять все, что говорил король, но одно было ясно: все было сложнее, чем объяснили родители. Они сказали, что король вызвал его во дворец, чтобы он был его подопечным. Теперь он увидел, что его передали другому человеку, который явно не любит детей. Они сказали ему не бояться, потому что во дворце много добрых людей. Это еще одна ложь. Он был смущен, напуган и тосковал по дому.

– Он… теперь моя проблема? – сказал Рэтклифф с явным разочарованием и горечью. – Я думал, что вы отдали его Хорвату!

Король посмотрел на потолок, как будто он искал источник терпения в стропилах.

– Он герцог Севера, Дикон! Его зять мертв, и он должен утешить свою дочь и внуков. Битва выиграна! Но я не успокоюсь, пока мы не добьемся мира в ближайшие месяцы! За последние два года у меня не было ничего, кроме неприятностей и бедствий! – Его голос превратился в гром. Он начал

подниматься с трона, но почти мгновенно упал обратно. Наверное, нога причиняла ему боль. – Ты курируешь Разведывательную службу. Найди человека, чтоб он приглядывал за мальцом, вот все, что я требую! Ради Потока! Прекрати ныть!

Лицо Рэтклиффа было черно от ярости, но он промолчал. Король вздрогнул и уселся обратно на трон, сжав губы от гнева и боли.

Крепкая рука легла на плечо Оуэна. Мальчик поднял голову и увидел, что рука принадлежит Хорвату, который смотрел на него сверху вниз. Он ничего не сказал, но на лице его читалось сочувствие.

Рэтклифф быстро пришел в себя, хотя был все еще красен от оскорбления.

– Ладно, мой господин. Позвольте мне найти няньку для младенца, – саркастически произнес он.

Оуэн уже не был младенцем, но, к его ужасу, на глазах его выступили слезы, и он начал тихо плакать. Он только начал доверять Хорвату, и теперь этот человек уезжал на Север. Отныне опека над ним будет в руках Рэтклиффа, который принадлежал к тем нетерпеливым, яростным типам, которых Оуэн боялся больше всего. Его собственные родители отдали его в заложники королю, способному в одно мгновение наброситься даже на своих ближайших союзников.

– Он плачет? – с отвращением сказал Рэтклифф. – Ну, еще слезы, чтобы заполнить фонтаны. Вытри глаза, парень. Давай… прекрати это немедленно!

Маленькое сердце мальчика разрывалось на части, и он мог остановить слезы не лучше, чем водопад, ревущий снаружи.

– Прекрати! – рявкнул Рэтклифф, топнув ногой.

В зале раздался женский голос. Он был нежен и в то же время властен.

– Что нужно прекратить, милорды, так все эти вопли. Вы напугали бедняжку до безумия.

Оуэн обернулся, чтобы взглянуть на даму, но его глаза слишком опухли от слез, чтобы видеть лицо за ее длинными золотыми волосами. Она опустилась на колени перед ним и достала кружевной платок, которым вытерла глаза Оуэна. Затем убрала руку Хорвата с плеча Оуэна и на ее место положила свою маленькую руку. Расплывчатая картина стала более четкой, он увидел девушку немногим старше его сестры Джессики. У нее были зеленые глаза с голубыми крапинками и самое прелестное лицо, что он когда-либо видел.

Из всех мифов Кередигиона самым распространенным был миф о Владычице Потока. Девушка ласково улыбнулась, с сочувствием и теплом глядя ему в глаза. Она была воплощением легенды о Владычице – Госпоже мудрости, сострадания и непревзойденной доброты, способной повергнуть даже закаленного в боях рыцаря на колени силой своего присутствия. Как и в легенде, пришелица, казалось, усмирила бурю, которая бушевала всего несколько минут назад.

– Дядя, – сказала леди, глядя на человека на троне. – Позволь мне отвести мальчика на кухню и угостить медовым печеньем, пока лорд Рэтклифф занимается его обустройством. Ты разрешишь?

Когда Оуэн случайно взглянул на короля, он был потрясен произошедшими с ним переменами. Буря гнева миновала, и мрачный взгляд смягчился, когда он посмотрел на племянницу. Его рука по-прежнему лежала на рукояти кинжала, но не пыталась его вытащить. Хмурое выражение сменилось легкой спокойной улыбкой.

– Если хочешь, Элиза, – сказал он, затем жестом показал, что отпускает их.

– Давай свою руку, – сказала леди, медленно поднимаясь и предлагая свою. Оуэн принял предложение с жадностью. Пальцы ее были восхитительно мягкими. Она была в платье из нежнейшего лавандово-голубого шелка и широком белом сюрко, схваченном золотым поясом.

Оуэн оглянулся на герцога, желая поблагодарить его, но все еще не мог говорить. Сохранять молчание было так больно!

Герцог смотрел в глаза Оуэна, выражение лица старика было нечитаемым для столь маленького мальчика. Из-за бороды нельзя было разглядеть очертания рта. Герцог кивнул Оуэну, словно извиняясь за свой отъезд. Оуэн отцепился от

его плаща, служившего убежищем, и последовал за леди.

Глава четвертая

Кухарка и дворецкий

Вид дворцовой кухни вызвал улыбку на лице Оуэна – впервые после того, как он покинул дом. Точно так же, как на кухне в Таттон-Холле, здесь было шумно, многолюдно и интересно. Со вбитых в стены крюков свисали кольца колбас. Скамьи и столы были завалены лоснящейся рыбой и заставлены корзинами с зеленью. Была выгородка, где развешаны пучки специй. Потолки были сводчатыми, по всей кухне расставлены стулья, скамейки и столы. Повсюду сновали слуги – тащили фляги с вином, блюда с хлебом и сыром. Даже на пол, выложенный маленькими плитками, было интересно смотреть. На пороге хрустели охапки сосновых веток, но пол внутри был ровным и гладким, и Оуэн подумал, что здесь он сможет набрать плитки для своих игр.

– Ты улыбаешься! – восторженно произнесла Элиза, нежно сжимая его руку. – Тебе нравится кухня?

Он энергично кивнул, уставившись на женщину, которая вынимала из печи хлеб. Кухня была на нижнем этаже дворца, поэтому здесь были мощные опоры, способные поддерживать гигантский замок, но были и высокие окна, и они были открыты, впуская свет и воздух. Они придавали кухне яркий и веселый вид, совершенно отличный от большого зала.

Элиза провела его через толпу поварят и служанок, подведя к женщине возле очага, которая поставила поддоны и выкладывала хлеб. Женщина была низенькая, с рыжевато-каштановыми волосами, выбивавшимися из-под чепца, и носила фартук до самого пола. На щеке у нее был небольшой шрам. Когда она увидела принцессу, ее глаза блеснули радостью.

– Что за счастье, принцесса! Вы украсили мой день. Ваша матушка сияла красотой в свое время, но вы сияете еще ярче. А теперь глянем на тебя, мальчик. Чем порадуешь старую кухарку?

Принцесса Элиза была гораздо выше кухарки, но ласково обняла ее, прежде чем опуститься на колени рядом с Оуэном. Провела по его голове, что было немного щекотно, а затем взяла за плечи, словно представляя всем вокруг.

– Лиона, это Оуэн Кискаддон. Он гость во дворце и останется здесь.

Выражение лица кухарки стало еще радостней.

– Младший брат лорда Йорганона! Такой взрослый молодой человек! – весело сказала она. Задумчиво огладила подбородок. – Вам должно быть десять лет!

Оуэн разрумянился от удовольствия и покачал головой:

– Мне всего восемь.

– Восемь! Удивительно. Я бы не догадалась. Хотите медовое печенье, мастер Оуэн?

Он улыбнулся, осторожно кивнув. Она подмигнула ему, указывая следовать за ней. Подняла крышку с глиняной крынки и вытащила круглое плоское печенье с рифлеными полосками. Торжественно предложила ему, а затем поднесла другое печенье принцессе, также подмигнув ей.

Оуэн откусил кусочек и сразу понял, что захочет еще. Печенье было тонким, хрустящим снаружи и нежным внутри. Чувствовался вкус и меда, и патоки, и еще чего-то странного, ароматного, он не мог определить чего. Он жадно ел, наблюдая, как вокруг них кипит жизнь кухни – на плитах большие чаны с супом, куски сырого мяса, слуги режут соломкой морковь, картофель, тыкву и лук.

– Как поживает королева, ваша матушка? – тихо спросила Лиона у Элизы, понизив голос.

– С ней все хорошо, спасибо, – сказала Элиза, любезно улыбаясь. – Я видела ее вчера в святилище.

Лиона помрачнела.

– Я скучаю по ее величеству, – призналась она. – Какой это был великий дворец. Сколько пиров и балов, сколько дней рождения здесь праздновали! Замок стал совсем мрачным с тех пор, как король прибыл с Севера. Вот почему я отказываюсь закрывать окна. Нам нужно больше света. Даже цветок увядает без солнца.

Ее слова заставили Оуэна взглянуть на ближайшее окно, высоко над ними. Через него он видел, как поднимается один из шпилей замка. Это была стройная башня… та, которая навела его на мысль о кинжале. Он задумался, где ночует король. Легкий холодок пробежал по его спине при виде башни, возвышающейся над ними.

Он знал ответ прежде, чем доел медовое печенье.

– Ну у вас и аппетит! – сказала Лиона. Она была не намного выше его, и ему нравилось, что она такая маленькая. Она взъерошила его волосы. – Посмотрите на себя, Оуэн. Что это за полоса в волосах? Это мука? – Она коснулась белой пряди на его голове, и он наклонился к ней.

– Я тоже это заметила, – сказала принцесса. – Просто небольшая прядь… белая как снег. Я полагаю, когда волосы отрастут, это будет незаметно.

Сам Оуэн не особо задумывался о своих волосах, но люди всегда обсуждали эту метку. Волосы и волосы. Ну и что в этом странного?

Принцесса коснулась руки кухарки.

– Можно ли ему побыть здесь немного? Когда я вошла в зал, там все кричали, и, как я могу судить, он был испуган.

Кухарка неодобрительно покачала головой.

– Кричать перед таким молодым человеком – что за ужасные манеры! Оуэн, вы можете приходить ко мне на кухню так часто, как захотите. Ваш брат всегда был здесь желанным гостем. Если кто-то решит обругать вас, я его сама обругаю, будь то сам король! Никогда не серди кухарку, иначе молоко скиснет! Приходите сюда, когда вам будет страшно или одиноко. Ну же, Оуэн? Составите мне компанию?

Он улыбнулся, глядя на балки и висящие на колышках горшки.

– Мне здесь нравится, – сказал он застенчиво, чувствуя себя намного спокойнее теперь, когда он был вдали от ярости короля. Оуэн не хотел встречаться с ним снова, но знал, что ему каждый день придется делить с ним завтрак.

Принцесса снова опустилась на колени рядом с Оуэном. Ее глаза были серьезными, и она ласково коснулась его, как будто знала его всегда.

– Лиона тебя всегда приветит. Пойду помогу мастеру Рэтклиффу выбрать тебе гувернантку. – Она погладила его по руке. – Я буду с тобой, Оуэн. И Лиона тоже. Здесь еще много… верных. – Она помедлила, прежде чем произнести последнее слово. Затем выпрямилась. Ее платье переливалось на свету, а лучи сияли в золотых волосах. Она выглядела как королева.

– Спасибо, – пробормотал Оуэн, не отрывая от нее взгляда.

Ноздри Лионы сжались.

– Следующая порция хлебов готова. По запаху слышу. Я буду присматривать за мальчиком, принцесса. Не бойтесь. Нас здесь много. Он не окажется без пригляда. – Она бросила на Оуэна интригующий взгляд. – Мой муж – лесоруб замка, – загадочно сказала она. – Он знает, где здесь лучшие места, и не будет против спутника в походах по окрестностям. Он решает, какое из королевских деревьев оставить, а какое срубить и пустить на дрова. Сейчас он в лесу, иначе бы сидел здесь, с кружкой пива в руках, положив ноги на бочку. Но, как вы видите, я держу кухню в чистоте, чтобы он знал, что грязные башмаки следует оставлять снаружи. Позвольте мне угостить вас еще! – Она снова подмигнула и быстро подошла к глиняной крынке с печеньем.

Подошла другая девушка, чтобы вынуть хлеб из духовки.

– Спасибо, Лиона, – сказала принцесса.

– Все, что угодно для семьи вашего высочества, – ответила Лиона. Ее взгляд был мрачным и серьезным. Она снова обняла Элизу.

– Теперь я должна позаботиться о том, чтобы найти подходящую гувернантку, – сказала принцесса, напоследок взъерошив волосы Оуэна.

Кухарка с тоской посмотрела на принцессу, когда та выходила из кухни, но, как только она ушла, выражение лица кухарки изменилось с задумчивого на раздраженное. Сердце Оуэна упало. Все это было притворством?

– А вот и он пришел, – ехидно сказала Лиона. – Достаточно, чтоб пудинг скис. Это королевский дворецкий, мастер Бервик. Он с Севера, Оуэн. Тамошним людям нельзя доверять. Мне жаль вашего лорда отца. Честно-честно. Я дала обещание, и я сдержу его. Я позабочусь о вас, молодой человек. На кухне вам всегда будут рады. – Она улыбнулась ему, чтоб подбодрить.

Стук сапог привлек внимание Оуэна. Быстро приближался, хрипя на ходу, морщинистый старик с дочерна загорелой кожей – высокий, толстый, с лысой макушкой, испещренной коричневыми пятнами, но его уши и шею окружали густые курчавые волосы. Он носил королевскую ливрею, черную с золотом, с эмблемой вепря.

– Глянь на ся, – насмешливо сказал он Лионе. – Стоишь бездельно пред ужином?

Оуэн всегда напрягался, чтобы понять людей с сильным северным акцентом. Как будто они слишком спешили, чтобы произнести все слоги в словах.

– Когда пирог с перепелиных яйц для хозяина приготовишь? Иль не начала?

Глаза Лионы сузились.

– У тебя нет дел, Бервик, что ты лезешь ко мне на кухню?

– Вмешался б, если б он осерчал. Хозяин нетерпелив и лентяев не любит.

– Называешь меня лентяйкой? – спросила она, ее голос стал жестче. – Ты представляешь, сколько нужно времени, чтобы накормить обитателей дворца такого размера? Сколько хлебов мы выпекаем за день?

– Пятьсот шесть, – сказал он с усмешкой и щелкнул пальцами. – Я подсчитываю мешки с мукой. Учитываю яйца и дрожжи. Я дворецкий короля и управлял его замком на Севере…

– Который был намного меньше этого, могу напомнить тебе, Бервик!

Оуэн уставился на высокого дворецкого. От него пахло чем-то странным – возможно, капустой.

Его взгляд привлек внимание старика.

– А это что за щенок? Еще чей-то папаша провалил дело?

– Это сын герцога Кискаддона, – сказала Лиона, притягивая Оуэна к фартуку. – И он не щенок, грубиян эдакий, а благородной крови.

Дворецкий с удивлением посмотрел на Оуэна.

– Пфе! – пробормотал он. – Малыш Кискаддон! Тогда мне его жаль. Старший брат закончил рекой.

Лиона явно рассердилась:

– Он подопечный короля. Что в этом жалкого?

Дворецкий фыркнул:

– Подопечный? Думаю, нет. Он заложник короля. Просто немного поболтал с герцогом Хорватом, прекрасным могущественным лордом, он ворочается на Север. Дни парня сочтены.

Выражение лица Лионы стало жестким, она побледнела.

– Прекрати подобные речи, – сказала она сердито. Жестом пригласила Оуэна сесть на ближайший ящик, а затем подошла к Бервику и о чем-то тихо заговорила с ним.

Оуэн сидел на ящике, и его радость от того, что он нашел кухню, стала угасать. От угроз снова разболелся живот. Несмотря на то что кухня была уютной, теплой и так чудесно пахла хлебом, он не мог отвести глаз от шпиля, похожего на кинжал, виднеющегося из окна. Казалось, король наблюдает за ним даже здесь.

– Следи за речами, ведьма! – сердито сказал Бервик. – Хозяин может вызвать нового повара с Севера, и что ты будешь делать? Но если ты не будешь спорить и сделаешь, как я говорю, все у тебя будет. – Он мрачно посмотрел на Оуэна и покачал головой, как будто мальчик уже был холодным куском дохлой рыбы.

Глаза Лионы вспыхнули гневом, когда она вернулась, энергично вытирая пальцы о передник. Быстро пробормотала что-то себе под нос.

– Мне нужно приготовить королевский ужин, – наконец сказала она, понизив голос. Оуэн заметил, что она больше не смотрела ему в глаза. – Раньше вокруг было больше резвящихся детей. Когда правили король и королева, все было по-другому. Это таким, как Бервик, надо следить за речами. – Ее губы сжались. – Если бы Бервик знал, если бы он только знал… – Она бросила на мальчика заговорщический взгляд и еще понизила голос: – Ты боишься, Оуэн?

Он уставился на нее и молча кивнул.

Она поспешно подошла к другому столу, а затем принесла миску с мукой. Разбила яйцо и вылила желток в миску. Затем начала замешивать тесто своими сильными пальцами. Оуэн почувствовал, что она хочет сказать больше, поэтому просто ждал.

Она снова оглядела кухню, убедившись, что рядом никого нет.

– Мы с мужем часто гуляем по окрестностям, – сказала она тихо, почти шепотом. – Он знает про это лучше всех. Есть дверь привратника, которая всегда открыта. Всегда. – Она снова огляделась, и, когда продолжила, ее голос стал еще тише: – Оуэн, родители отправили тебя сюда не для того, чтобы тебя убили. У тебя есть друзья. Как принцесса. Как я. Мать принцессы находится в

святилище Владычицы. Она там уже два года, с тех пор как брат ее мужа занял трон. Может, она поможет тебе, Оуэн. Ты знаешь, где находится святилище?

Оуэн уставился на нее, его сердце быстро забилось.

– Мы миновали его… по дороге сюда.

– Да. – Она мяла тесто так, будто пыталась задушить Бервика. – Если ты войдешь в святилище, даже король не сможет заставить тебя выйти. Там ты будешь в безопасности. – Она оглянулась на переполненную кухню, ее взгляд с беспокойством метнулся туда-сюда. – Если ты смелый маленький мальчик.

Слабая искра надежды зажглась в его груди.

– Я смелый, – прошептал он, пристально глядя на нее. Но когда он посмотрел на нее, он снова увидел в окне башню, похожую на кинжал.

Я пришлый в Кередигионе, и я обнаружил, что политические интриги и дурная кровь почти непостижимы. Позвольте мне обобщить это следующим образом. Правящие дома этого королевства можно сравнить с членами большой семьи, которые яростно ненавидят друг друга. Личные обиды привели к основанию нынешней династии почти три столетия назад. Эта семья превратила войну друг с другом в искусство. Все враги короля Северна лежат в могилах, точнее, все враги-мужчины. Он по-прежнему враждует со вдовствующей королевой, женой брата, которая продолжает плести против него заговоры из святилища Владычицы. Но, по моим оценкам, ее сила и ее некогда великая красота сейчас слабеют. Я бы поставил на короля-горбуна. Ходят слухи, что он мечтает о своей племяннице, принцессе Элизе. Это отвратительные сплетни, распускаемые вдовствующей королевой. Не стоит обращать внимания.

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава пятая

Призраки

Оуэна отвели в пустующую комнату брата, и он обнаружил, что не может уснуть. Все здесь, даже запах, было чужим и тревожным. Он всегда был очень чувствителен к звукам, особенно к незнакомым, и дворец был полон звуков – скрип половиц, топот ног по каменному полу, отдаленные голоса, лязг ключей в замках. За его дверью постоянно было какое-то движение. Поэтому Оуэн уселся на узкий деревянный подоконник и широко раздвинул шторы, впуская в окно сияние лунного света. И, глядя на луну, он пытался успокоить неистовое биение сердца и подавить царящую в нем ужасную тоску по дому.

Той ночью он кое-что решил. И дал обещание луне.

Он знал, что мир взрослых сильно отличается от его собственного. По причинам, которые он не понимал, родители его оставили. Он смутно чувствовал, что они были вынуждены отдать одного из своих детей, и они выбрали его.

Во мраке он боролся с чувствами, которые пришли с пониманием. Он снова плакал, но это не были слезы печали. И не слезы гнева. Это были… слезы разочарования. Когда, наконец, он выплакал все слезы, он стиснул зубы и принял суровую правду – родители не собираются его спасать. Нутром он ощущал, что если останется в замке и не сделает ничего, чтобы спастись, то, вероятно, не выживет. Поэтому он должен придумать способ изменить финал семейной истории и не «закончить рекой».

Оуэн за свою короткую жизнь усвоил несколько простых истин. Поскольку он был самым младшим и самым маленьким в Таттон-Холле, окружающие взрослые считали его слабым и неспособным ничего сделать. Они всегда предлагали ему помощь, что раздражало Оуэна и пробуждало в нем решимость доказать, на что он способен. Он ненавидел, когда его предложения и идеи не воспринимались всерьез, особенно когда «детская болтовня» заставляла его родителей или старших братьев и сестер смеяться.

Оуэн осознал, что в положении младшенького есть определенная выгода. И рано научился использовать истерики, чтоб добиваться своих целей. Конечно, он использовал эту тактику разумно и обычно бывал тих и спокоен.

От внимания Оуэна также не ускользнуло, что взрослые буквально трясутся над ним, особенно сестры. Он научился быть обожаемым, ласковым и ловким, использовать улыбки, объятия и поцелуи в обмен на объятия, сказки и общее внимание. А ведя себя тихо, особенно по вечерам, он мог дольше не ложиться спать, потому что о его присутствии забывали.

Власть. В том, чтобы управлять поведением других, заключалась власть. Это напомнило Оуэну о его любимом развлечении, за которым он мог проводить часы, – расставлять рядами плитки, а затем сбивать их.

Однажды он видел, как это делал один из братьев. Вероятно, тогда Оуэн был совсем мал, и упавшие плитки заставили его залиться смехом. Это было одно из самых ранних его воспоминаний. Вскоре он сам стал складывать плитки и испытал сильнейший трепет наслаждения, когда при помощи одной плитки свалил множество. Став старше, он стал складывать все более сложные конструкции. Выстраивал замысловатые ряды. Иногда использовал другие объекты в качестве барьеров и изменял высоту изначальных построек. Иногда он возводил целые башни из плиток и заставлял их рушиться.

Ничто не выводило его из себя больше, чем когда кто-то сбивал его плитки – случайно или намеренно. Он даже на себя злился, когда задевал их случайно. Укладывание плиток, размещение их именно в том порядке, который он представлял, помогали ему разобраться с тем, что мучило и тревожило.

Оуэн принял два решения в ту ночь. Первое он поведал серебряной луне. «Я сбегу отсюда», – поклялся он. Неважно, что сделают или не сделают его родители, он не смирится до тех пор, пока не найдет способ бежать от короля, внушавшего ему такой ужас. Он не хотел присоединиться к призракам этого замка.

Второе решение – сделать пребывание в замке терпимым, пока он не найдет возможности бежать. Для этого ему нужен ящик плиток для кухонного пола.

Из всех мест, которые он здесь увидел, кухня ему понравилась больше всего. Там было светло и весело. Лиона была из тех женщин, которые, как он понимал, помогут ему. Он попросит у нее плитки и разрешение складывать их в углу кухни.

Он был так возбужден, что не мог дождаться, когда луна исчезнет из оконного проема и небо посветлеет. Повара рано приходят на кухню. Если Оуэн должен завтракать с королем, то по крайней мере до завтрака ему надо чем-то заняться.

В той же мятой одежде, в которой путешествовал, Оуэн направился на кухню. Он беззвучно крался среди теней. Путь он нашел довольно легко, нос вел его так же, как память. Было еще рано, и единственными людьми на кухне были Лиона и мужчина, который, как Оуэн предположил, был ее мужем.

– Гляди-ка, прибежал еще до первых петухов, – весело сказала Лиона. – Да благословит вас Поток, молодой человек. Уже проголодались?

Оуэн смотрел на мужчину, внезапно его с головой охватила тревога. Он всегда так реагировал на незнакомцев. И был в ярости на себя, когда язык ему отказывал.

У мужчины были рыжеватые волосы и седеющая борода. Его кожаные штаны и куртка были перепачкана смолой, а у пояса висел отточеный топор дровосека.

Лиона заметила нерешительность мальчика и похлопала мужчину по плечу.

– Дрю, это Оуэн. Я тебе о нем говорила.

Дровосек повернулся и посмотрел на Оуэна с застенчивой улыбкой. Глаза его блестели. Он кивнул и опустился на выложенный плиткой пол.

– Вы – сын герцога, – сказал он со спокойной радостью. – Вижу, что кровь – не водица. Вы похожи на своего брата. Меня зовут Эндрю, но люди зовут меня просто Дрю. Доброе утро, Оуэн.

Оуэн хотел бы вернуть приветствие. Дрю был дружелюбный и легкий. Но Оуэн все еще не мог заставить себя говорить.

– Садись ближе к огню, Дрю, – сказала Лиона, отогревая руки. – Оуэн, сегодня утром вы будете завтракать с королем, так что мне лучше не портить вам аппетит, но никто не уходит с моей кухни голодным. Есть вчерашний хлеб.

Оуэн улыбнулся ей, радуясь, что нашел союзницу.

Он тихо отступил к скамье, глядя, как Лиона наполняет миску, а Дрю раздувает угли в очаге. Оуэн видел, как это делали и раньше, и это его поражало, как куча серого пепла, если на нее подуть, может снова загореться. Он уставился на Дрю, когда тот надул щеки, и с восторгом услышал потрескивание возрожденного пламени. Он хотел научиться делать так же. Он считал, что сможет, но лучше вернется на следующий день и посмотрит еще, чтобы наверняка. Тогда он попробует сам.

Лиона взъерошила его волосы, подав миску. Он жадно ел, наблюдая, как начали прибывать слуги, чтобы приготовить утреннюю трапезу.

– Лиона? – тихо позвал он. Слишком тихо. Она не услышала.

– Парень зовет тебя, – мягко сказал Дрю, поднимаясь от очага.

У Лионы было тесто на пальцах, когда она подошла.

– Что там?

Оуэн облизнул губы. Он был благодарен, что Дрю заметил его просьбу. Хотя стеснительность все еще заставляла быть косноязычным, Оуэн был полон решимости получить плитки.

– Есть ли… есть ящик с плиткой? – спросил он, умоляюще глядя кухарке в глаза. – Поиграть?

Она посмотрела на него в замешательстве:

– Плиткой?

– Вот такой. – Он постучал по полу башмаком. – Маленькой… как эти. Мне нравится играть с ними.

Дрю странно посмотрел на него, затем сказал:

– Думаю, что есть.

Лионе нужно было раздать указания на кухне, поэтому она попросила мужа поискать плитку. Вскоре он вернулся с деревянным ящиком, заполненным плитками. Некоторые были побиты или отколоты, зато они были разного размера и цвета. Глаза Оуэна расширились от восторга, когда Дрю протянул ящик.

– Я иду в лес, – ласково сказал он. – Может быть, вы захотите присоединиться ко мне позже и я покажу вам окрестности?

Оуэн посмотрел на него и энергично кивнул. Но язык по-прежнему не слушался. Он хотел поблагодарить Дрю за плитки, но знакомое чувство удушья лишило его способности говорить. Он посмотрел на ящик, пытаясь заставить слова вырваться из горла. Лучшее, что он мог сделать, – это единожды наклонить голову вниз.

Дрю улыбнулся ему и ушел. Оуэн на мгновение сжал кулаки, злясь на себя за то, что молчал. Но чудесный ящик был слишком соблазнителен, чтобы оттягивать время. Он отставил миску и перетащил ящик в угол кухни, свободный от суеты. Быстро рассортировал плитки по размеру, форме и цвету, а затем начал расставлять их в ряд.

Как только первая плитка встала на место, его разум уподобился стреле, выпущенной из лука. Процесс был настолько знаком, что стал автоматическим, и он даже не смотрел на конструкцию, которую выкладывал на полу. Мозг его разбирался в деталях того, что Оуэн узнал, оставив свою семью. Разные люди, с которыми он встречался, предстали перед ним вместе, и он понял, какие испытывает чувства к каждому из них. Короля он боялся. Герцога Хорвата он уважал. Рэтклиффа он презирал. Принцесса Элиза вызывала у него обожание. Лиона и Дрю были для него как новые родители. Бервик его раздражал.

Оуэн многое слышал и не все понимал. Он понимал, что король убьет его, если родители не докажут свою верность. Каждый день его пребывания в

Кингфонтейне только увеличивал опасность. Если он доберется до святилища Владычицы, невестка короля сможет его защитить. Она приходилась матерью принцессе Элизе и была королевой до тех пор, пока два года назад король Северн не отобрал трон у наследников своего брата. Принцы были мертвы. Оуэн рисковал разделить их судьбу. Решение казалось очевидным: нужно было сбежать из дворца и добраться до Владычицы, не будучи пойманным людьми короля. Но как он мог это устроить? Что нужно сделать? Ему нужно было изучить окрестности. Дрю знал окрестности. Дрю даже предложил взять его на прогулку.

Оуэн уложил последнюю плитку. Он сидел у извилистой спирали, которая начиналась у его колен и обвивалась вокруг него все выше и выше, петля за петлей. Сколько плиток он расставил? Сотню? Он не помнил.

Оуэн заметил, что на кухне стало необычайно тихо. Он посмотрел через плечо и увидел, что Лиона и остальные смотрят, словно зачарованные тем, что он сделал. Он слегка улыбнулся Лионе и нагнулся к ближайшей к колену плитке.

Кухарка вздрогнула, когда плитки стали падать, тихо звякая, сбивая соседние круг за кругом. Понадобилось несколько минут, чтобы упала последняя.

– Нууу… – сказала Лиона удивленно. – Да буду я благословенна! То, что сделал малец, – самое любопытное, что я видела в жизни.

Оуэн покраснел от похвалы, под взглядами кухонной прислуги.

И как раз в этот момент на кухню ворвалась молодая женщина, вид у нее был безумный, длинные темные волосы растрепались на бегу.

– Кто-нибудь видел маленького мальчика? Сына герцога? Он пропал. Кто-нибудь…

Она задыхалась, почти теряя сознание, но вздохнула с облегчением, когда несколько пальцев показали направление.

Это была Мона Стирлинг, юная гувернантка с которой он познакомился вчера вечером.

– Вот вы где! Оуэн! Королевский завтрак! Поспешите!

Ее слова словно напоминали всем об их обязанностях. Лиона стала отдавать приказы, и помощники забегали по кухне. Оуэн быстро начал собирать плитки в ящик, но Мона схватила его за руку и потащила в комнату в башне.

– Нет времени! Вы должны быть одеты и готовы. Идемте со мной! Лорд Рэтклифф в ярости!

В любом королевстве сильно боятся отравителей, но особенно в этом. Представьте состояние человека, пребывающего в постоянном страхе, будто следующий глоток или кусок могут оказаться последними. Брат короля умер неожиданно, к всеобщему изумлению. Конечно, мне сказали, что его любовь к пиршествам совершенно вышла из-под контроля и он пристрастился к обжорству и пьянству. Я бы с удовольствием служил ему! Но сама внезапность его смерти заставляет подозревать яд. Вопрос в том, кто мог отравить короля?

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава шестая

Дикон Рэтклифф

Мона Стирлинг не проявила деликатности, помогая Оуэну переодеться в новый костюм. Она бесцеремонно стерла салфеткой грязь с его щеки и отступила назад, чтобы оглядеть.

– Нет времени, чтобы вымыться, но это можно сделать позже. Чем вы занимались на кухне?

Он смотрел на нее, не говоря ни слова. Его снова замутило при мысли о новой встрече с Рэтклиффом… и с королем. Он не хотел завтракать с королем.

Мона запустила пальцы в шапку его каштановых волос и нахмурилась.

– У вас совершенно неряшливая шевелюра. Что это за белая метка? – Она попыталась осмотреть прядь волос, но Оуэн отшатнулся. – Ведите себя прилично, мелочь! – буркнула она. Затем, схватив его за руку, потащила по коридору из комнаты в большой зал. Замок теперь кишел слугами, мужчинами и женщинами, державшими кувшины, вазы, наполненные свежесрезанными цветами, свернутые ковры, урны и серебряные блюда. Факелы вдоль коридора шипели на Оуэна, когда они проходили мимо них, отбрасывая на пол длинные и острые тени.

Когда они достигли большого зала, навстречу быстро вышел Рэтклифф, его лицо сморщилось от резкого неодобрения, но он явно испытал облегчение, как только увидел Оуэна.

– Вот он! – с раздражением сказал Рэтклифф. – Я думал, ты ускользнул из замка, парень. – Он потянул мальчика за кружевной воротник. – Купаться в бане или на пляже, скажу тебе, лучше, чем в водопаде!

Но я действительно хочу ускользнуть из замка, решительно подумал Оуэн, глядя на высокого человека.

Оуэн оглядел столы на возвышении, расставленные в зале. Они были загружены подносами с едой. Круги золотистого, ароматного хлеба, подносы с копченым лососем и множество острых сыров. На серебряных блюдах гнездились виноградные грозди.

Оуэн заметил, что вокруг не было стульев, а также что он был не единственным «гостем». Большинство здесь были молодыми людьми, многие – детьми, и все они принадлежали к королевскому двору. Были ли они заложниками, как он? Он не был ни с кем из них знаком и не знал, чего ожидать. Все слуги вокруг были заняты.

– Он был на кухне, – устало объяснила Мона. – Я его нашла.

– Смотри, чтоб больше не потерялся! – буркнул Рэтклифф. Он потер руки, осматривая лица собравшихся. Бросил на Оуэна пристальный взгляд.

– Приходи вовремя, – хмуро сказал он. – Король занятой человек и не должен ждать дураков. Ты дурак, маленький лорд Кискаддон? А?

Оуэн покачал головой, но не сказал ни слова.

– Посмотрим, так ли это. А, вот и король!

Живот Оуэна сжался от страха, и он почувствовал легкое головокружение. Через мгновение одна из боковых дверей открылась, и вошел король, рука об руку с принцессой Элизой, явно продолжая разговор.

– Нет, это было бы неподобающе, – неодобрительным тоном произнес король. – Ты – принцесса. Он – всего лишь сын герцога. Вы в некоторой степени кузены, но я не позволю, чтобы ты присматривала за моими заложниками.

Взгляд короля переместился на молодых людей, собравшихся в комнате, и не остановился, пока не достиг Оуэна.

– Итак, потеря нашлась? – спросил он, скривив губы.

Рэтклифф выглядел потрясенным.

– Милорд, – его голос дрожал. – Он был… он был… где он был, леди Стирлинг?

– Играл на кухне, – сердито покраснев, ответила Мона и сделала реверанс.

Король похлопал Элизу по руке.

– Видишь? Мальчик цел. Ты напрасно волновалась. – Затем он перевел взгляд на Оуэна, в его глазах тлела ярость. – Ты доставил хлопот моей племяннице, парень. Она очень переживала за тебя.

– Дядя, это неважно, – сказала девушка, касаясь согнутой руки, поддерживающей ее, как посох пастуха. – Я только предлагала помочь приглядывать за ним. Это было бы вовсе не тяжело.

Король не сводил глаз с Оуэна. Страх зародился в животе мальчика и побежал вниз, заставляя ноги подкоситься.

– Ты не нянька, Элиза, – мягко сказал король.

– Кто же я тогда? – многозначительно спросила она. – Я также и не принцесса. Я лишь пушинка, унесенная ветром. Ваши гости голодны, милорд. – Она слегка подтолкнула его.

Король милостиво поклонился ей и жестом показал, что разрешает приступить к трапезе. Оуэн медленно приблизился к одному из столов на возвышении, не сводя глаз с короля и принцессы. Ему было любопытно, что произойдет, и, поскольку Лиона уже покормила его, есть он не хотел. Переговариваясь между собой, молодые люди брали со стола кусочки хлеба или сыра. Они ели нервно, с тревогой. Откусывали раз-другой и этим ограничивались.

То, что заметил Оуэн, удивило его. Король бродил среди гостей, наблюдая за их лицами после того, когда они что-то брали со столов. Он смотрел, как они жуют, иногда протягивая руку, чтобы взять что-то с блюда, с которого уже брали еду. Король наблюдал, как другие едят, прежде чем есть самому. Правильно ли это для короля? Конечно же, он должен был приберегать лучшие лакомства для себя.

Казалось, мысли Оуэна крутились, как колесо телеги. Он совсем не понимал короля.

Через несколько мгновений король налил бокал из кувшина с разбавленным вином. Он медленно шел мимо собравшихся, обводя их хитрым взглядом, словно наслаждался шуткой, понятной только ему.

Король заметил, что Оуэн уставился на него и двинулся вперед. Непроизвольно Оуэн начал отступать, пытаясь сохранить расстояние между ними. Их взгляды встретились. У короля были серые глаза с голубыми крапинками. Щеки блестели после утреннего бритья, на плечи падали длинные черные волосы, чистые и

гладкие. У него был острый нос и впалые щеки. Король казался задумчивым.

Оуэн обошел возвышение со столами, чтобы оно могло служить преградой. Стук сердца отдавался в ушах громом. На короле не было бархатного берета, как вчера, – мелкая деталь, Оуэн не знал, почему ее подметил.

Северн продолжал приближаться, скользя, как змея, его прекрасная золотая цепь мерцала в свете факелов.

Рэтклифф подошел к королю и кашлянул в кулак.

– Милорд?

– В чем дело? – резко спросил король, не сводя глаз с Оуэна.

– Как вы узнали, что мальчик пропал? Вам сообщил кто-то из шпионов? Это не то, о чем вашему величеству следует беспокоиться.

Король перевел взгляд с Оуэна на Рэтклиффа. В его глазах читалось презрение.

– Не следует беспокоиться? Замок представляет собой лабиринт коридоров и башен. Неудивительно, что мальчик потерялся. Что меня удивило, так это то, что за ним совсем не следили.

Рэтклифф покраснел от гнева.

– Вы бы предпочли, чтобы он ночевал в моих апартаментах, чтобы я мог видеть его круглые сутки?

– Нет, Дикон. Я хочу, чтобы ты следил за парнем, как я и просил. Я доверяю тебе в этом. Не разочаровывай меня.

Рэтклифф нахмурился, кивнул и отошел.

Король опять повернулся к Оуэну, их взгляды опять встретились. Оуэн обнаружил, что не может отвести взгляд.

– Ты не ел.

Оуэн медленно покачал головой, не в силах совладать с языком. Он дрожал от страха.

Король взял каравай хлеба и подтянул к себе. Он медленно кивнул мальчику, а затем повернулся к кому-то другому – подростку лет двенадцати, который разговаривал с набитым ртом.

Король обратился к нему, и тон его был резок:

– Съешь это, Дансдворт. Не подавись!

Подросток покраснел от унижения. Он пытался жевать быстрее, чтобы проглотить еду и ответить, и его поспешность вызвала насмешки окружающих. Король бросил на мальчика издевательский взгляд. Затем перевел взгляд на девочку лет десяти:

– Добрый день, леди Кейт. У тебя опухли глаза. Ты плакала?

– Нет, милорд, – испуганно залепетала девочка. – Глаза у меня чесались, и все.

– Чесались… – Король засмеялся. – Вероятно, от дыма. Это дымный зал, – сказал он, его глаза бродили по стропилам. – Немного свежего воздуха пойдет тебе на пользу. Постарайся не охрипнуть.

Оуэн наблюдал, как король бродит по залу, выбирая жертву за жертвой. Возраст никого не спасал от насмешек. Его реплики напоминали фехтовальные приемы, обманные и неожиданные, слова были остры как бритва. И это ожидало Оуэна каждый день. Издевки, насмешки и сарказм короля, который использовал детей как дегустаторов.

Он почувствовал нежную руку на своем плече. Повернув голову, увидел рядом принцессу Элизу. Как только он заметил ее, она протянула руку, выбрала кусочек сыра и положила себе в рот.

– Значит, ты сегодня утром был на кухне? – прошептала она, бросая на него быстрый взгляд. Хотя она стояла совсем близко, но повернулась к столу, будто ее интересовала только еда.

Оуэн кивнул, зачарованный ее присутствием. Дело было не просто в красоте золотых волос и карих глаз. Она излучала кротость, казалась совершенно лишенной всякого притворства. Все это раскрывало Оуэна навстречу ей.

– Там ты будешь в безопасности, – прошептала она. – Лиона верна моей маме. Я просила короля передать мне опеку над тобой, но он отказал. Он думает, что это ниже моего достоинства. – Она слегка нахмурилась. – У меня было два младших брата… Понимаешь, – ее голос внезапно охрип, – ты напоминаешь мне одного из них. Ему было бы двенадцать. – Ее пальцы нежно коснулись его волос. – Увидимся, когда сможем, Оуэн. Но это будет не часто. Будь смелым.

Затем она отошла от него, чтобы поговорить с молодыми девушками, восхищаясь их нарядами и прическами.

Сердце Оуэна болело. Он хотел бежать. Ему нужно было найти выход.

Но сначала ему нужно изучить окрестности.

* * *

Дворец Кингфонтейн был построен на лесистом холме вдоль могучей реки, рядом с впечатляющим водопадом. Со стороны дворец представал единой массой – все толстые стены и островерхие башни, – но Оуэн быстро понял, что это обманчивое впечатление. Крутые и высокие стены окружали внутренние сады с деревьями, дорожками и живописными тропками. Главный коридор дворца охватывал его гигантской петлей, представлявшейся бесконечной. Но как только Оуэн несколько раз одолел его с Моной Стирлинг, он начал постигать все хитрости дворца. После прогулки с Дрю он узнал об окрестностях. Поскольку замок был построен на холме, он имел также нижний уровень, еще одну серию стен и валов для защиты от захватчиков, и еще ниже – третий ярус, соединенный со стенами второго. Из окна башни он мог видеть разные ярусы, вплоть до отдаленных конюшен, где конюхи объезжали молодых жеребцов. Видел он и каретные дворы. Повсюду виднелись башни, включая ту, похожую на

кинжал, которая заворожила и испугала его в первый день.

Оуэну потребовались бы недели, чтобы посетить каждый зал, исследовать каждую лестницу и осмотреть каждый гобелен. Но он внимательно подмечал детали и быстро стал запоминать особые приметы – например, рыцарский доспех с секирой перед картинной галереей. Или фонтан, вода от которого шла ко внутреннему святилищу дворца, где он мог слышать плеск падающей воды.

Мона не привыкла к тому, что ее таскали по дворцу, и, когда он наконец вернулся на кухню, чтобы отдохнуть и найти что-нибудь вкусненькое, плюхнулась на табуретку и начала жаловаться кухонной прислуге, как Оуэн ее загонял. Шесть раз подряд вокруг замка.

Он поискал свой ящик с плитками, но нигде не мог найти.

Продолжая командовать на кухне, Лиона указала на потертую кожаную сумку с ремнем и пряжками.

– Плитки там, – ласково сказала она. – Это принес Дрю, чтобы было удобней. Он подумал, что, возможно, вы захотите его унести. Не слишком тяжело?

Оуэн подошел и подхватил ремень. Сумка была тяжелой, но он преисполнился решимости. Улыбнулся ей и покачал головой.

– Все продолжают болтать о вас и ваших маленьких плитках и спрашивать, где они. А я отвечаю: «Вон там, у Оуэна в сумке».

Так мальчик из Таттон-Холла получил прозвище – Оуэн-с-сумкой.

* * *

На следующее утро, когда он пришел на кухню, чтобы поиграть с плитками, ящик лежал рядом с открытой сумкой. Лиона еще не пришла, он был один. Некоторые плитки лежали на полу рядом с ящиком. Вглядевшись, он понял, что они были сложены так, чтоб получились буквы:

ОУЭН

Это был, вероятно, Дрю. Небольшой привет от друга. Он улыбнулся, а затем выбросил это из головы, когда начал раскладывать плитки.

Благословенной памяти король Эредур пережил все превратности царствования. Он завоевал корону. Он потерял корону. Он выиграл ее снова. История, достойная эпоса любого века. Мало кто изучал его правление так тщательно, как я, и я знаю, что Эредур не вернул бы корону, если бы не его брат. Не Северн, который всегда был ему предан, а коварный граф Дансдворт, брат, который предал, а затем раскаялся. Мирный период после победы Эредура был нелегким. В конце концов именно то, что Дансдворт жаждал короны, его в первую очередь и погубило. То, как граф встретил свою судьбу, окружено тайнами и недомолвками. Некоторые говорят, что он был отравлен. Некоторые – что он утонул в бочке с вином. Никто не знает правды. Известно лишь то, что он был объявлен предателем. Его титулы и земли были конфискованы, но обещаны его сыну, когда тот достигнет совершеннолетия. Я уверен, что Эредур казнил своего брата, потому что я видел труп. И единственный сын графа, новый лорд Дансдворт, очень быстро превращается в человека, каким был его отец. Злобный маленький бахвал, и я ненавижу его. Парню всего двенадцать, и слуги в замке от него в ужасе.

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава седьмая

Наследник Дансдворта

За те две недели, что Оуэн жил во дворце, его дни стали упорядоченны. Он вставал рано поутру и бежал на кухню со своей сумкой, чтобы укладывать плитки позамысловатее. Иногда его ждал сюрприз – несколько плиток, выстроенных в башню или стену, – но он так и не успел прийти достаточно рано, чтобы застать Дрю за этим занятием.

Затем его ждал завтрак, разделяемый с сюзереном и другими детьми королевства, сопровождаемый саркастическими выпадами и насмешками короля, бродившего среди гостей в поисках жертвы для издевок. Потом Оуэн мог гулять по замку и окрестностям вместе с Моной Стирлинг, которая постоянно ныла, пока он не находил дерево или стену, куда взбирался, давая ей возможность отдохнуть. Днем он часами сидел в королевской библиотеке, глотая книги, которые приносила ему Мона, чтоб у нее было время посплетничать с подружками. Однажды они упомянули пекаря из Пизана, который, как выяснилось, был благословлен Потоком. Когда он пек хлеб, тот, казалось, волшебным образом умножался. Король Пизана узнал об этом и приказал схватить пекаря, чтобы он служил на дворцовой кухне. Они долго говорили об удивительных людях, которых Поток наделил необычайной магией.

Оуэн оживился и слушал, потому что он любил читать о тех, кто благословлен Потоком. Когда он сталкивался с подобной историей в книге, он нарочно читал медленнее, чтоб посмаковать ее. Были истории о непобедимых в бою рыцарях. О волшебницах, которые носили шлемы вместо дамских шляп и могли призвать грозу и обрушить на своих врагов. Магия могла проявляться многими разными способами. К сожалению, истории редко включали достаточно деталей. Даже слухи о пекаре ничего не сообщали о том, как творилось волшебство.

Оуэн всегда проводил последние часы перед сном на кухне. Он приходил туда первым и уходил последним, и, хотя он жил в страхе, знал, что может найти некоторую долю уюта и спокойствия в этом единственном прибежище.

Пока о нем не узнал Дансдворт.

Оуэн полностью уходил в себя, не замечая суматоху кухни, пока мыли котлы и мели полы – кроме того места, где он подбирал плитку, – и тесто оставляли на ночь в чанах. Он ничего этого не слышал, но шум был частью той атмосферы, которая делала кухню такой уютной. Он бы не выдержал в абсолютной тишине, где любой скрежет ключа или громкий топот могли означать катастрофу. Кухонный шум, особенно успокаивающий голос Лионы и раздаваемые ею

указания помогли создать именно то состояние, чтобы он мог сосредоточиться на укладке плитки.

Он встал на колени вдоль края, осторожно выстраивая еще одну секцию, когда внезапно, испугав его, вся постройка рухнула.

Оуэн редко допускал ошибки, способные вызвать такое. Он сел, наблюдая, как часы его работы исчезли в считаные секунды, а затем услышал хихиканье позади. Он повернулся, и его лицо побелело от ярости, когда он увидел Дансдворта, стоящего скрестив руки, его башмак явно вызвал обвал.

– Ах, бедняжечка! – Дансдворт фальшиво утешил его злобной улыбкой. – Следует быть осторожнее со своими игрушками!

Волна гнева поднялась в мозгу Оуэна. Он затрясся от ярости, глядя на старшего мальчика.

Дансдворту было двенадцать или тринадцать, и он не был маленьким мальчиком. Он был на голову или две выше Оуэна, а под модным дублетом видны были мускулы. У пояса он носил кинжал. Он не делал тайны из того, что ему хотелось носить меч, как взрослые.

Взгляд, который он бросил на Оуэна, был явно вызывающим, как будто он хотел, чтобы мальчик бросился на него с кулаками и он мог бы с удовольствием сбить Оуэна с ног.

Его насмешка, казалось, говорила: ну, и что ты сможешь сделать?

Руки Оуэна дрожали. Он смотрел на развалины, на загубленный труд и едва мог думать от ярости, сжимающей его сердце. Но он нутром чуял, что Дансдворт способен одолеть его.

– Ну что? Молчишь? – усмехнулся старший мальчик. Затем он понизил тон: – Ты понапрасну тратишь время здесь, маленький Киска. Следовало быть со мной на тренировочном дворе, чтобы заработать синяки, которые сделают из тебя мужчину. Твоему отцу должно быть стыдно за тебя. Перестань возиться с игрушками. Что? Собираешься плакать? Позвать няньку, чтоб она утерла тебе

сопли?

Униженный Оуэн отвернулся и начал дрожащими пальцами укладывать плитку обратно в ящик. Он не будет строить все снова. Для этого слишком поздно. Но он не мог выносить противного взгляда Дансдворта. И да, он боялся, что заплачет.

И заплакал-таки, когда каблук башмака Дансдворта опустился на плитки и раздавил их. Звук, непривычный для кухни, заставил сердце содрогнуться от страха. Он повернулся и увидел, как мальчик усмехается. Глядя прямо в глаза, Дансдворт снова топнул и разбил плитки.

– Прочь! Убирайтесь отсюда! – рявкнула Лиона, сурово глядя на грубияна. – Покиньте мою кухню, лорд Дансдворт! Оставьте маленького мальчика в покое.

Дансдворт презрительно посмотрел на надвигающуюся кухарку и засунул большие пальцы за широкий кожаный ремень.

– Ты хотела сказать – бедного мальчика, – издевательски сказал Дансдворт. Он наступил еще на несколько плиток. – Он играет с обломками, точно нищий. Я пришел, потому что я голоден. Дай мне маффин, кухарка.

– Вам надо надрать уши! – сердито отвечала Лиона. Она была невысокой женщиной, но Дансдворту было всего двенадцать, и они были одного роста. Хотя она казалась достаточно разъяренной, чтоб ударить его, грубиян, казалось, не испугался.

– Если только прикоснешься ко мне, – предупредил Дансдворт, – я отомщу. – Он поднял руку и стиснул рукоять кинжала. – Теперь принеси мне маффин!

Лиона нахмурилась и фыркнула про себя, но взяла оставшийся маффин с подноса и сунула в его руку. Воспользовавшись тем, что старший мальчик отвлекся, Оуэн подтащил свою сумку ближе и с яростной поспешностью начал собирать оставшиеся плитки, чтобы они тоже не оказались разбитыми.

Дансдворт откусил кусочек, грубо пробормотал благодарность набитым ртом, а затем вышел из кухни. На душе Оуэна было темно, но угроза неминуемой беды уходила, и тлеющее сердце начало остывать. Вздохнув, Лиона опустилась на

колени возле упавших плиток и помогла собрать их.

– Я попрошу Дрю найти еще, – предложила она, касаясь его руки своей. – Этот малый – тот еще грубиян. Надеюсь, мы не нажили сегодня врага.

Оуэн нахмурился и сделал выдох.

– Ты бы видела, как король говорит с ним, – сказал он. – С ним обращаются хуже всех нас.

– Верно, но это не дает ему права обижать и дразнить маленьких детей. Что это за жизнь? – Она утерла лоб. – Всегда под угрозой королевского гнева. – Она перестала собирать плитку, хотя и стояла рядом с ним на коленях.

Оуэн посмотрел на нее и увидел странное выражение в ее глазах.

– Что такое, Лиона?

– Вы все еще гуляете по окрестностям с гувернанткой? – тихо спросила она.

Он кивнул, схватил другую горсть плиток и аккуратно сложил их в коробку. Он был заинтригован.

– Вы знаете сад с конными статуями в фонтане и деревьями гикори? Это на нижнем кольце холма.

– Да, – сказал Оуэн, глядя ей в глаза. Плитка холодила ему руки.

– В стене есть дверь для привратника, – призналась она. – Железная дверь. Она никогда не запирается. Королевские шпионы пользуются ею, чтобы входить и выходить из дворца без ведома стражи. Дрю рассказал мне об этом. А я не рассказывала ни одной живой душе. – Она остановилась и бросила взгляд через плечо, облизывая губы. – Вы никому не должны признаваться, что я открыла вам, Оуэн, – сказала она, когда наконец снова взглянула ему в лицо. – Я лишусь работы. Или хуже. Есть тропа, она подходит к замковой дороге, ведущей к мосту к Владычице. Бегите в святилище, Оуэн. – Она наклонилась и сжала его колено. Это было щекотно, хотя он знал, что она не нарочно. – Найдите вдовствующую

королеву или ее дочь, Элизу. Иногда она бывает там. Даже ребенок может претендовать на убежище.

Она торопливо встала и подошла к хлебным печам, затем взяла горсть муки из мешка и рассыпала ее на ближайшем столе. Она выглядела бледной и немного нервной и больше не смотрела на Оуэна.

Оуэн был благодарен за ее помощь и взволнован возможностью убежать от жизни во дворце. Он приехал, когда луна была наполовину полна, а теперь почти полнолуние. Если ему удастся получить убежище, возможно, родители смогут приехать и навестить его? Он очень страдал и ужасно скучал по ним.

Закончив складывать плитку, он накинул сумку на плечо и пошел искать Мону. Было уже темно, поэтому придется бежать на следующий день. Зато у него появилась идея, как ускользнуть от гувернантки.

* * *

– Я не хочу играть в прятки, – ныла Мона, тащась за Оуэном вниз по склону. – Мне нужно поговорить с одним конюшим. Пойдем в конюшню!

Оуэн шагал быстро, и длинные юбки девушки мешали ей идти с ним в ногу. Он был так взволнован, что весь день совсем не хотел есть, но все же съел столько, сколько смог, и сунул немного еды в карманы на потом. Обеспокоенный тем, что хитроумный замысел можно прочитать по глазам, Оуэн сделал все возможное, чтобы держаться подальше от короля и Рэтклиффа.

– Помедленнее! – просила Мона, пробираясь сквозь узкую изгородь. Оуэн прошел между стволами гикори и направился к стене. – Разве мы не можем пойти в конюшню, мастер Оуэн? Там будет интересно!

– Я хочу играть в прятки! – твердо сказал Оуэн. Он слышал ропот фонтана, они приближались. Вскоре он увидел круглый фонтан с огромным вздыбленным конем в центре. Позже он разглядел дверь привратника, и его сердце забилось от волнения. Он повернулся и схватил Мону за руку, когда она наконец догнала его. – Сначала я спрячусь. Ты подождешь у фонтана и досчитаешь до двадцати! Нет… до пятидесяти! Тогда найди меня.

Мона тяжело дышала, остановившись у бортика фонтана. Ее темные волосы прилипли ко лбу.

– Я не хочу гоняться за вами через сад, мастер Оуэн. Я устала. Дайте мне перевести дыхание.

– Тебе не придется гоняться за мной, – сказал Оуэн, напрягаясь от нетерпения. – Как только ты меня найдешь, мы поменяемся местами. Ты будешь прятаться, а я буду тебя искать.

Она вздрогнула и оглядела парк, стиснув руки.

– Парк такой большой, – сказала она. – Я не желаю лазить по деревьям. Почему вы не хотите посетить конюшни? Вы говорили, что любите лошадей.

– Нет, – раздраженно сказал Оуэн. – Пожалуйста, Мона! Раньше я играл в прятки с сестрой. – Он бросил на нее умильный взгляд, на старших это всегда действовало. Дотронулся до нее. – Ты так на нее похожа!

– Долго ли мы будем играть? – устало спросила она.

– Четыре круга, – сказал Оуэн.

Она нахмурилась:

– Два.

– Четыре, – настаивал Оуэн. – Это будет быстро. Я не стану прятаться далеко, и ты легко меня найдешь.

Она вздохнула с раздражением, затем закрыла глаза и начала считать.

Оуэн метнулся прочь, как белка, и укрылся за деревом, далеко от двери привратника. Он спрятался за раскидистым деревом и наблюдал, как считала Мона. За журчанием фонтана он не слышал ее. Его сердце билось от нетерпения. Он собирался усложнять ей поиск его каждый раз, а затем

ускользнуть на четвертом круге.

Досчитав до пятидесяти, она встала и пошла, направившись к нему. Он нарочно высунулся из сплетения ветвей, чтобы она могла его найти, хотя и притворился, что рассержен, что его так быстро поймали. Затем быстро бросился обратно к фонтану, громко крича, чтобы она услышала, как он считает сквозь шум воды.

Он заметил Мону отдыхающей под деревом – ее темные волосы сливались с корой – и, добежав до нее, слегка пощекотал. Она взвизгнула и отругала его, прежде чем снова идти к фонтану водить. Он почувствовал легкий укол вины. Что ей угрожает, если он убежит? Наверное, взбучка от Рэтклиффа. Свобода Оуэна этого стоила.

Но слабое чувство вины еще таилось в груди Оуэна. Сокрушив его, как мог, он спрятался в другом месте. Улегся у изгороди, где его трудно увидеть издалека. Оттуда была видна дверь привратника, и он подумал, достаточно ли силен, чтобы открыть ее. Что, если петли проржавели?

Он изгнал эту мысль и стал ждать. На сей раз Моне потребовалось больше времени, и она снова пожаловалась, что устала.

Оуэн решил, что ему нужно проверить, не слишком ли дверь тяжелая. На третьем круге он быстро ускользнул и приблизился к небольшой металлической двери. Рядом с железной ручкой был механический замок. Если дверь заперта, Оуэн бы оказался узником. Он оглянулся через плечо и увидел Мону, сидящую на бортике фонтана, откинув голову, лицом к солнцу. Она, казалось, наслаждалась отдыхом и вовсе не считала.

Дверь была из кованого железа и состояла из широких пластин, продольных и поперечных. Отверстия между ними закрывали декоративные железные цветы, так что не было никакой возможности заглянуть сквозь них. Оуэн схватил холодную металлическую ручку и повернул.

Дверь беззвучно отворилась.

Он быстро выглянул через щель, за которой был крутой склон, покрытый лесом. Через него вела глинистая тропа, испещренная следами подков. Дверь в стене была достаточно большой, чтоб пропустить лошадь, хотя всадник обязан был

спешиться. Это, несомненно, был секретный выход, о котором рассказала Лиона. Внизу не было стражников, и заросли за дверью были достаточно густыми, чтобы скрыть его бегство.

Не было причин медлить.

Мысленно он услышал голос Лионы: «Если ты храбрый маленький мальчик…»

Он еще раз оглянулся на Мону. Она грелась на солнце, ее голова склонилась набок. Воображение рисовало всякие ужасы, но резь в желудке их прогнала.

Да, Оуэн был смелым. Теперь он один в мире, поэтому ему нужно быть таким. Если он сможет найти защиту в святилище, то это того стоит. Его будут искать на кухне. Его будут искать по всему парку. Но его не найдут достаточно быстро, чтобы остановить.

Оуэн набрался смелости, чувствуя, как его ноги дрожат от сдерживаемого возбуждения. Затем он проскользнул сквозь щель в двери, осторожно закрыл дверь за собой и помчался навстречу свободе.

Население Кередигиона исключительно суеверно, особенно в тех традициях, что связаны с Потоком. Когда у кого-то есть желания или амбиции, чтоб муж, жена или дитя преуспели, они сжимают монету в руке, загадывают желание, а потом бросают монету в чашу фонтана, что в святилище Владычицы. Монеты блестят и переливаются под водой. Они возвращаются через день и обнаруживают, что монеты все еще там. Проходит еще день, может, два. Но монеты неизменно исчезают, и бедные души верят, что Поток принял их молитвы и исполнит их желания. Я точно знаю, что секстон Владычицы каждые несколько дней натягивает сапоги, берет грабли и собирает монеты для казны короля. Несколько монет он всегда оставляет, потому что частично полная чаша приглашает делать больше пожертвований в сокровищницу короля. Вершиной богохульства считается украсть монету из фонтана. Меня удивляет, как это суеверие мешает даже голодному оборванцу украсть монету, на которую добыл бы себе хлеба. Дети шепчутся, что тот, кто украдет из фонтана и будет пойман, будет брошен в реку и унесен водопадами. Сила, которую традиции имеют над простыми умами, поистине удивительна. Всякий раз, когда какой-то бедный

дурак проявляет природный дар, будь то выпечка хлеба или выращивание цветов, как быстро люди объявляют этого человека благословенным!

Доминик Манчини, шпион у Владычицы Потока

Глава восьмая

Ее величество

Оуэн тяжело дышал, когда покинул лес и вышел на дорогу. Волосы прилипли ко лбу от пота. Он присоединился к телегам, фургонам и потоку людей, направляющихся к мосту. Он беспокоился, что его заметят стражники и схватят у ворот, поэтому искал в толпе группу людей, похожих на семью. Как только нашел, то догнал их и прошел вместе с ними мимо сторожевого поста. Никто не обратил на него внимания. Выйдя из тени, Оуэн почувствовал, как его сердце забилось от возбуждения. Мона, вероятно, все еще его разыскивает, и даже после того, как она сообщит, что он пропал, потребуется время, чтобы кто-нибудь понял, как он сбежал. Его план был прост. Отправиться к матери принцессы в святилище Владычицы и попросить достаточно денег, чтоб нанять повозку до Таттон-Холла. Он знал о десятках мест в родном поместье, где мог бы спрятаться без ведома родителей и жить как призрак. Путь верхом до Западной Марки занимал три дня, ясно было, что дорога в повозке займет больше времени, но мысль о том, чтобы вернуться домой через неделю, заставила его улыбнуться от нетерпения.

Он обманет короля, и в этом никого не обвинят. Даже родители не будут знать, где он, поэтому, если Оуэн пропал, они не будут считаться виновными. Ему все еще было больно, что они выбрали его, чтобы отправить во дворец, но он не хотел, чтобы у них было больше затруднений.

Когда он пересек мост, его уверенность начала слабеть, а в животе заурчало. Он вытащил корку из кармана и стал медленно жевать, чтобы ослабить голод. Каждый шорох заставлял его оборачиваться, как будто за ним гнались двадцать

рыцарей с белым вепрем на гербе. Внизу он чувствовал удары волн, разбивающихся о мост, и слышал рев водопада. Он боялся, что никогда не достигнет цели, и все же святилище приблизилось.

Это было прекрасное сооружение, но, когда Хорват провез его мимо него несколько недель назад, Оуэн смотрел на него тусклым взглядом. Тем не менее он вспомнил грязных оборванцев, слоняющихся у ворот, и почувствовал дрожь страха. Загрохотали копыта – мимо проехал всадник, и Оуэн отскочил в сторону. Его охватывала паника, ему казалось, что все смотрят на него. Чтобы не встретиться ни с кем глазами, он быстрее пошел дальше.

По пути он заметил кирпичные дамбы вдоль берега острова, вероятно защищавшие от наводнений. На кирпичах были узоры, которые он не заметил прежде, возможно, из-за того, что пышные плети свисающего плюща покрывали часть кирпичной кладки, плющ свисал так низко, что задевал несущиеся внизу бурные воды. Всю территорию святилища, которое находилось на северной стороне острова посреди реки, окружала стена. За стеной возвышались мощные деревья, а на стороне, обращенной к Оуэну, он заметил огромное круглое витражное окно в форме солнечных часов. По краям поднимались шпили и башенки, по стенам спускались водостоки, а стены поддерживали опорные стойки. В самом центре выступал узкий длинный шпиль, достаточно высокий, чтобы пробить облака.

Оуэн так увлекся, разглядывая строение, что налетел на человека, толкающего телегу, и быстро извинился за свою неловкость.

Перейдя с моста на остров, Оуэн направился к главным воротам. Конечно же, там были те же оборванцы. Оуэн собрался с духом и вошел в ворота, чувствуя облегчение, когда прошел мимо них. Ни один человек не мог заставить его покинуть это место. Даже король.

Никто из «людей Потока», болтавших между собой, не обращал на него внимания. Оуэн смотрел на высокие столбы с фонарями, свисающими с крюков. По внутренним паркам прогуливались семьи, и его сердце сжималось при виде их. Он жаждал увидеть свою семью снова, даже издалека, и, чтобы успокоиться, размышлял о том, где сразу спрятаться, когда вернется в свое поместье.

Прозрачный бассейн перед ступеньками, ведущими к дверям святилища, которые были открыты, был пронизан солнечным светом. Оуэн остановился у бассейна, уставившись в спокойные глубины, и увидел, как на дне мерцают монеты. На кромке бассейна сидел толстяк, сложив мясистые руки. Он крошил хлеб голубям, толпившимся возле его туфель. Оуэн с восхищением наблюдал, как мужчина ловко сыпал крошки то там, то сям, и толпа пернатых двигалась в ответ, все время курлыкая и ворча. Толстяк улыбался их перебранке.

Затем он внезапно вскочил на ноги и затопал, заставив птиц лететь прочь, хлопая крыльями в облаке разлетающихся серых перьев. Этот нежданный поступок потряс Оуэна, и его сердце резко забилось в груди. Толстяк захохотал, обхватив себя руками, когда уселся обратно. Он быстро вытер глаза, все еще посмеиваясь про себя, затем извлек из кармана еще горсть крошек и начал снова разбрасывать их на брусчатку.

Конечно же, голуби через несколько мгновений стали возвращаться, слетая с деревьев, где они укрывались. Они осторожно приблизились, вытягивая головы, а затем самые храбрые начали клевать крошки. Остальные сочли возвращение достаточно безопасным, и вскоре у бассейна вновь толпились птицы.

У толстяка были темно-каштановые бакенбарды, густые волнистые волосы, коротко остриженные. И он грустно улыбался, словно ему было нечем занять свой ум и мучить птиц было его единственным способом развлечься.

– Они продолжают возвращаться, – сказал толстяк с усталым вздохом. Он не смотрел на Оуэна, но говорил так, чтоб его голос достиг ушей мальчика. У него был акцент, но сам голос был приятным, и он свободно говорил на языке королевства. – Я могу отпугивать их по сто раз в день, но они продолжают возвращаться за крошками. – Он вздохнул, положив руку на живот. – Они не могут устоять перед едой. Полагаю, что и я не могу. Это печальная правда. Если бы я не был таким ленивым, я бы подошел к продавцу маффинов и получил бы лакомый кусок. Уж это бы стоило вымученных крошек! Но когда тащишь на себе такую тяжелую ношу, парень, даже небольшая прогулка – это бремя.

Оуэн смотрел на рот мужчины, когда тот говорил, наблюдая за тем, как он складывал слова. У него был мягкий голос. Затем он посмотрел на Оуэна и дружелюбно улыбнулся.

– Ты здесь, чтобы загадать желание, парень? – спросил он.

Оуэн моргнул от неожиданности и смущенно кивнул.

Мужчина понизил голос.

– Говорят, что та сторона бассейна приносит больше удачи. – Он указал на противоположную сторону прозрачного бассейна. – Но если ты и вправду хочешь, чтобы желание исполнилось, нужно бросить крону в фонтан мудрости, там, где статуя женщины с копьем. Это истинная Владычица Потока! Она исполнит твое желание. Если у тебя есть целая крона.

– У меня нет кроны, – сказал Оуэн.

– Ну… этого не может быть. – Толстяк поджал губы. – Мальчик такого благородного вида… я думал, у тебя целый мешок крон. Жаль. Но если твое желание важно, это можно исправить. Вот, я одолжу тебе крону. – Он порылся в кармане, что-то бормоча себе под нос, и вытащил тяжелую монету. Положил ее на большой палец и щелкнул им, так что монета закрутилась в воздухе.

Оуэн успел поймать монету, прежде чем та упала.

– Молодец, парень, молодец! – воскликнул толстяк.

Оуэн уставился на монету и увидел, что она не из Кередигиона. На ней была надпись на чужом языке, и она не была похожа на местные монеты. Он провел пальцами по буквам и знакам, которые не мог расшифровать.

– Можешь прочесть? – спросил толстяк, посмеиваясь.

Оуэн покачал головой, перевернув монету в руке.

– Не многие здесь могут. Эта монета называется флорин. Он имеет примерно ту же стоимость, что и крона. Я из Женивы, королевства озер. Знаешь, где это, парень?

– Я видел карты, – сказал Оуэн застенчиво, уставившись на собеседника. Раньше он никогда не встречал иностранцев.

– Карты. – Толстяк кивнул. – Ты выглядишь как умный. Могу поспорить, что ты умеешь читать и цифры тоже знаешь.

Оуэн удивленно посмотрел на него.

– Я знал это! – сказал толстяк, посмеиваясь и хлопая в ладоши. Птицы, толпящиеся у его ног, возмущались, что он не бросает крошки. – Ну, вот твоя крона, парень. Загадай желание и беги к своей матери.

– Спасибо, – сказал Оуэн, удивленный тем, что не стесняется говорить. У этого человека были манеры, которые пугали Оуэна и интриговали его. Он не был похож на других взрослых.

– Меня зовут Манчини, – сказал толстяк и снова кивнул.

– Спасибо, Манчини.

– Кто-то в вашей семье болен? Поэтому ты загадываешь желание – как, ты сказал, тебя зовут?

– Оуэн, – ответил мальчик, только тогда поняв, что ему не следовало этого говорить. Он моргнул от удивления.

– Хорошо, Оуэн, – сказал Манчини. – Ступай загадывай желание. А я, наверное, все же попытаюсь добыть себе маффин. – Он застонал и попытался подняться, но, казалось, для этого требовалось больше сил, чем у него имелось. – Иногда, – сказал Манчини, тяжело дыша, – мне нужно откинуться назад, прежде чем я снова смогу встать. Однажды я откинулся слишком далеко и… плюх! Свалился в бассейн! – Он подмигнул Оуэну, улыбнулся, и мальчик хихикнул. – Понадобилось четверо мужчин, чтобы вытащить меня. Ну и суматоха была! Я едва не утонул.

Оуэн улыбнулся, наслаждаясь теплом, которое вызывало веселье. Он представил, как толстяк летит в бассейн, разбрызгивая воду, и стало еще смешнее. Манчини откинулся назад и затем наклонился вперед. На сей раз он

поднялся на ноги, немного пошатываясь. Оуэн наблюдал, как он бредет прочь… Как только толстяк ушел, Оуэн пошел к другой стороне бассейна. Он загадал желание, чтобы королева смогла ему помочь, а затем бросил флорин в воду. Тот шлепнулся и быстро опустился на дно.

Оуэн еще немного походил по дворам, любуясь фонтанами и разыскивая мать принцессы. Он подумал, что лучше всего искать в самом святилище, поэтому поднялся по широким каменным ступеням. Пол святилища был выложен из черно-белых мраморных квадратов, напоминая огромную доску для игры в вазир, только без фигур. Оуэн любил играть в вазир, и, хотя ему было всего восемь, он был достаточно хорош, чтобы побеждать иногда братьев и сестер. Отец у него всегда выигрывал.

Оуэн встал на белом квадрате, таком широком, что ступни не касались краев. Зал был огромен, а посреди него плескался большой фонтан. В святилище находились знатные посетители, о чем свидетельствовали их дорогая одежда и бархатные шляпы. Оуэн чувствовал себя поспокойнее, возможно, такое действие оказывало журчание фонтана. Перед ним были высокие колонны и пьедесталы, увенчанные белыми мраморными статуями, показавшиеся Оуэну фигурами для игры в вазир в натуральную величину. Конечно, их было бы очень трудно передвигать. Неудивительно, что он увидел пожилых людей, сидящих за досками обычного размера и играющих в вазир. Он двинулся между ними в поисках женщины, похожей на принцессу.

Пришлось немало поблуждать, прежде чем он смог ее найти, но время, казалось, пролетело быстро. Мать принцессы разговаривала с секстоном святилища, человеком в белых одеждах, черном плаще и шляпе в форме гриба. Секстон отвечал за святилище. Деконей проводил водный обряд для новорожденных. Оуэн общался с такими людьми всю жизнь, поэтому он распознавал их по облачению. Но Оуэн легко узнал мать принцессы. Это была вдовствующая королева, жена короля, умершего два года назад. За ней следовала девочка, не старше двенадцати лет, вероятно ее младшая дочь.

Оуэн терпеливо ждал, пока вдовствующая королева с секстоном не закончат разговаривать, хотя это заняло довольно много времени. После этого вдовствующая королева взяла девочку за руку, и они медленно пошли к фонтану в центре зала. Поняв, что ему выпал шанс, Оуэн быстро подошел к ней, пытаясь подавить растущее волнение.

Когда он приближался, девочка с любопытством посмотрела на него и потянула мать за руку. Казалось, что облако бабочек заполнило живот Оуэна.

Вдовствующая королева остановилась и повернулась к Оуэну. Это была красивая женщина, высокая, стройная и царственная. Ее волосы были того же цвета, что и у дочери, уложенные в элегантную прическу, закрепленную шпильками.

Едва Оуэн приблизился к вдовствующей королеве, он услышал топот сапог – громкий, решительный и очень знакомый.

Обернувшись, он с ужасом увидел, как в святилище ворвался Рэтклифф. Его лицо исказилось от гнева. Он шел прямо к Оуэну и выглядел так, будто собрался схватить его за руку и выволочь наружу.

– Иди сюда, мальчик, – сказала вдовствующая королева. Голос ее был мягок, но властен.

Ноги Оуэна отчаянно тряслись, но он сумел преодолеть пропасть, отделяющую его от вдовствующей королевы, за то время, что верзила продолжал приближаться. Рэтклифф снял шапку и мял ее в кулаке, а его лысеющая макушка блестела от пота. Он был в ярости, но вздохнул от облегчения, что нашел Оуэна.

– Вот ты, молодой человек! – злобно рявкнул он. В несколько длинных шагов он сократил расстояние, привлекая взгляды всех присутствующих в зале. Оуэн съежился за юбками королевы. Она положила руку ему на плечо, и он увидел сверкающий драгоценный камень коронационного перстня на ее руке.

– Ты нарушаешь покой святилища, – произнесла королева. – И оскорбляешь Поток. Изволь понизить голос.

Рэтклифф заскрипел зубами от ярости.

– Я знаю только, что он прибежал искать убежища здесь!

– О чем ты говоришь? – спокойно отвечала королева. – Этот мальчик? Я никогда в жизни его не видела. Кто он?

– Оуэн Кискаддон, – прорычал Рэтклифф. – Королевский заложник.

Королева серебристо рассмеялась.

– О, тогда твоя ярость имеет смысл. И я начинаю думать, что ты рехнулся. Ты считаешь, что я призвала его сюда?

– Он стоит рядом с вами. Как вы объясните это, Лиззи?

Судя по ее реакции, Оуэн мог бы поклясться, что имя было использовано как оскорбление.

– Очевидно, что Поток привел мальчика. Конечно, я слышала, что он во дворце, но я его не приглашала. Я даже не видела его до сего момента. Но я напомню тебе, сэр, что ты не имеешь права силой увести его отсюда. Северн не осмелится на это после того, что он сделал! Народ восстанет. Мальчик каким-то образом нашел сюда дорогу, и он останется здесь, под моей защитой.

Казалось, Рэтклифф сейчас лопнет от ярости.

– Король этого не потерпит! – рычал он. – Защитит ли вас Поток от его гнева? Ваша дочь наслаждается привилегией приходить и уходить. Может, она теперь станет заложницей?

Сердце Оуэна екнуло от этих слов, от страха за принцессу. Он посмотрел на королеву с беспокойством.

Она пренебрежительно рассмеялась.

– Мы оба знаем, что он этого не сделает. А теперь убирайся, Рэтклифф, прежде чем я вызову секстона. Прочь!

Кулаки Рэтклиффа тряслись от злобы. Затем он посмотрел на Оуэна, его глаза были словно кинжалы.

– Пойдем со мной, мальчик. Немедленно. Вернись со мной в замок.

Оуэн уставился на него и покачал головой.

– Когда король узнает об этом… – прорычал Рэтклифф, его губы дрожали.

– Похоже, он уже узнал, – раздался голос из дверного проема. Это был деконей, помощник секстона. – Он поднимается по ступенькам, лорд Рэтклифф. Король здесь. – Он повернулся и низко поклонился. – Добро пожаловать в святилище Владычицы, государь.

Глаза Оуэна расширились от ужаса, и он почувствовал, как рука королевы стиснула его плечо.

– Что бы он ни говорил, не позволяй ему дотрагиваться до тебя, – прошептала она в знак предупреждения.

Глава девятая

Голос короля

Король был раздражен. Оуэн мог видеть, как ярость пылала в его серых глазах, заставляя дергаться щеку и кривить рот в гримасе. Хромота, вызванная раной, стала менее заметной, но еще не исчезла, Оуэн отчетливо слышал звук его шаркающих шагов, прежде чем увидел его лицо.

Король, как всегда, был в черном с золотом. Привычный кинжал у пояса сопровождал большой меч в ножнах, повидавший многие годы войны. Струйка пота стекала по его лицу. Длинные черные волосы растрепал ветер, придавая ему вид дикаря.

Ногти вдовствующей королевы вонзились в плечо Оуэна, заставив его вздрогнуть.

– Помни, – шепнула она Оуэну.

– Государь, – с удивлением сказал Рэтклифф. – Вы здесь? Я собирался послать вам сообщение…

– Когда, Рэтклифф? Когда мои волосы поседеют? Ты думал, я не захочу узнать, что заложник сбежал? Почему я должен узнавать об этом от своей племянницы, а не от главы шпионской службы?

Гнев короля был сосредоточен на Рэтклиффе, но кровь Оуэна холодела от страха, Оуэн понимал, что настанет и его очередь.

– Мммиии… лорд! – с запинкой произнес Рэтклифф. – Это мой человек сообщил, что мальчик здесь! Я только что узнал об этом и хотел сначала сам убедиться! – Рэтклифф умоляюще сложил руки, словно опасаясь за свою шею.

– Достаточно оправданий, Рэтклифф. Не слишком много – просить тебя держать моих заложников под пристальным наблюдением. И о чем я узнаю дальше? Что дал добро на постоянные просьбы его родителей о встрече с ним? Ради Потока! Он просто маленький мальчик! Как ты мог быть таким беспечным?

– Я… я… – Щеки Рэтклиффа сделались алыми, и пот стекал с его лба.

Король пренебрежительно махнул рукой в перчатке. Затем он обратил зловещий взгляд на вдовствующую королеву. Его губы гневно сжались.

– Я должен был заподозрить, что найду его здесь, мадам. – Ненависть в его глазах и голосе заставила Оуэна съежиться.

– Вы ошибаетесь, Северн, как обычно, когда не в духе, – сказала вдовствующая королева ледяным тоном. – Я не вызывала мальчика сюда. Он только что вошел. Я даже не успела с ним заговорить.

Король недоверчиво фыркнул:

– Вы принимаете меня за дурака.

– Я принимаю вас за того, кем вы себя выставляете. Этот мальчик – Кискаддон? Ваш заложник? – В ее словах был оттенок смысла, которого Оуэн не понимал. – И он нашел путь в святилище. Боже, как это должно вас бесить!

Выражение лица Северна ожесточилось. Было ясно, что между королем и его невесткой не было никакой любви, и Оуэн мог чувствовать горечь, которая царила между ними.

– Вы не можете забрать его отсюда, Северн. Даже вы не осмелитесь нарушить право святилища Владычицы. О, конечно, вы можете угрожать этим! Но если вы посмеете, народ бросит вас в реку и вам не жить. Мальчик остается здесь, со мной. Я не посылала за ним, но я не отпущу его. – Она собственнически похлопала Оуэна по плечу.

– Мальчик не знает вас так хорошо, как я, – гневно прохрипел король.

– И вас… государь, – усмехнулась она. – Нам с ним будет очень весело вместе, и я многое расскажу ему о вашем величестве. И о моих сыновьях.

Король поднял скрюченный палец, заставив ее замолчать. Его лицо побледнело от гнева.

– Ты ничего не скажешь, – в голосе его слышалось приглушенное рычание.

Что-то странное случилось тогда. Как будто плеск воды из фонтана внезапно стал громче, заглушив все другие звуки для слуха Оуэна. Ощущение было приятным и успокаивало его колотящееся сердце. Затем сквозь журчание пробился голос короля.

– Оуэн.

Обычно голос короля, когда он произносил имя Оуэна, был резок, но на этот раз его голос не звучал сердито или обвиняюще. В нем была вся нежность обращения любящего отца к сыну. Оуэн моргнул, смутился и посмотрел на короля.

Звук воды в фонтане становился еще громче. Как будто Оуэн плескался внутри каменной чаши. Да-да, именно это он ощущал, когда играл в воде, плескался, брызгался и наслаждался вкусом непослушания. Вода словно хлынула на него, убаюкала, успокаивая и наполняя его счастьем. Теперь он улыбался. Король тоже улыбался, как будто он чувствовал тот же трепет танца в фонтане.

– Отойди от нее, Оуэн, – мягко сказал король. – Она здесь не без причины. Она плетет заговоры и разрушает. Если ты послушаешься ее, мальчик, твоя семья погибнет. Из-за нее. Я хочу спасти тебя, Оуэн. Пойдем со мной.

Оуэн почувствовал боль в плече, но это была какая-то ненастоящая боль. Он слышал слова, слова королевы, но они не могли проникнуть сквозь шум воды. Память пыталась донести что-то о прикосновении короля, но это было так же раздражающе, как жужжание, и он отмахнулся от него.

– Я бы не стал лгать тебе, – сказал король серьезно, нежно, как будто приглашал бабочку опуститься на его ладонь. – Здесь есть опасность. Опасность, которую ты не можешь видеть. Ты попал в паутину, Оуэн. Позволь мне освободить тебя. Подойди, возьми меня за руку.

Король протянул руку в черной перчатке. Кожа казалась мягкой и теплой, жест был таким манящим.

Оуэн стряхнул руку королевы и направился к королю. Ему казалось, что от протянутой руки исходили воды самого Потока. Он знал, знал наверняка, что будет в безопасности, если возьмется за руку короля. Вокруг слышались какие-то слова. Некоторые звучали резко, но не могли победить чувства, переполнявшие Оуэна.

Он уверенно подошел к королю, который больше не выглядел страшным. Он выглядел усталым и страдающим, но у него была добрая, благородная улыбка.

– Моя племянница так беспокоится о тебе, – ласково сказал король. – Может, устроим ей маленький сюрприз? Она так испугалась, когда решила, что ты в беде, Оуэн. Пойдем обратно во дворец, поищем ее?

Оуэн нетерпеливо улыбнулся и кивнул. Да, ему бы это понравилось. Он бы очень этого хотел.

– Ты покажешь ей, как покинул замок, Оуэн? Мы все так удивились, что у тебя хватило ума найти выход. Но я с самого начала знал, что ты умный парень.

Оуэн снова кивнул. Он стремился рассказать о тайной двери принцессе Элизе. Возможно, теперь это будет их общим секретом. Когда он наконец взял руку короля, на сердце у него стало легко. С этим прикосновением он словно оказался в лодке, плывущей в спокойной воде. Впервые с тех пор, как покинул Таттон-Холл, он чувствовал себя в безопасности. Вместе Оуэн и король отошли от королевы и журчащего фонтана. У мальчика кружилась голова от счастья, когда он цеплялся за руку короля, чувствуя сильную хватку, тепло кожи.

Оуэн повернулся к королеве. Она плакала. Почему? Он махнул ей, кивая, чтобы дать понять, что все хорошо. Затем посмотрел на черно-белые плитки на полу. Он наступил на белую. Король наступил на черную. Оуэн подумал, что похоже на игру, и это заставило его хихикнуть.

– Что тебя забавляет, Оуэн? – любезно спросил король. Его голос внушал доверие.

– Квадраты, – сказал мальчик, указывая свободной рукой. – Белые и черные. Как доска для вазира.

Ему не пришло в голову, что он впервые обратился к королю. Теперь ему было так легко с ним, казалось, что они всегда были лучшими друзьями.

– Ты играешь в вазир? – удивленно спросил король.

– Отец учил меня.

– Я тоже играю в вазир, – сказал король на ходу. – Игра пришла к нам из восточных королевств. Ты знаешь это?

Они подошли к огромным дверям святилища.

– Она из Чандигарла.

– Я знал, что ты умный парень. Хочешь доску для вазира, Оуэн? Я могу приказать вырезать для тебя.

Оуэн смотрел на задумчивое лицо короля в восторге.

– Правда? – выдохнул он. – У меня никогда не было собственной доски!

– Тогда она у тебя будет, – пообещал король. – Если ты останешься в замке. Ты должен остаться в замке, Оуэн.

Мальчик кивнул. Это стоит того, если он получит собственную доску для игры в вазир.

Они вышли из святилища и пошли к внешним воротам. Оуэн увидел бассейн и подумал, где этот толстяк, Манчини? Ему бы хотелось, чтобы тот поделился с ним маффином, и хотелось посмотреть, как он снова кидает крошки голубям.

Вспышка страха толкнулась в его сердце. Хотя они были под жаркими лучами солнца, он чувствовал… холод. Он снова сжал руку короля, но кожа перчатки уже не была такой мягкой. Казалось, король стискивал его руку. Это было почти неудобно. Пока они шли, хромота короля становилась все более заметной. Оуэн услышал подавленный вздох боли и поднял голову, чтобы увидеть, как король смотрит на ворота. Его зубы стиснулись, как будто он очень старался сильно сосредоточиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Парафраз эпиграммы, которую Шекспир приводит в «Ричарде III» – «Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно, хозяин твой Дикон продан давно» (перевод Анны Радловой). – Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.com/uiler_dzheff/korolevskaya-otravitel-nica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити